

огненно-рыжая
страсть...

любовный роман

Ирина Наякшина

Annotation

Этот роман для тех, кто любит читать о рыцарях, графах, эротических эпизодах и конечно же о захватывающих любовных приключениях.

Кристи сидела за столом и улыбалась. Конечно, когда отец и брат узнают, что она замыслила, ей смешным это не покажется, но сейчас она упивалась тем, что придумала, как провести их. Отец и Рауль собирались на очередной весенний турнир, который устраивал король. Рауль тоже будет участвовать в нем. Он специально приобрел коня, огромного, в яблоках и очень норовистого. По мнению отца и брата, Кристи была еще мала для того, чтобы присутствовать на таких зрелищах. А ей было четырнадцать лет, и она считала себя вполне взрослой. Рауль был на шесть лет старше и привык думать о сестре как о ребенке.

Девочке исполнилось всего три года, когда умерла ее мать, и с этого времени старший брат был постоянно рядом. Рауль посвящал Кристи все свое время и практически заменил ей мать. Даже когда болела, она всегда чувствовала его руку, которой брат вытирал взмокший от лихорадки детский лобик или поправлял подушки. Отец также любил ее, поэтому прощал все, что бы ни натворила его не в меру подвижная дочь. Воспитательница мисс Регина всегда жаловалась на то, что девочка не может и полчаса усидеть на одном месте. Умной Кристи занятия давались легко и быстро надоедали, зато она могла часами бродить по лесу, принадлежавшему их семейству вот уже триста лет. Лес окружал со всех сторон родовой замок, который Кристи и ее брат очень любили. Да и как было не любить эти старинные и такие родные стены, лужайки вокруг замка, всегда аккуратно подстриженные и сверкающие чистотой. Отец любит порядок во всем, поэтому требует его и от слуг. Одна Кристи делала все, что заблагорассудится, и все проказы сходили ей с рук. В лесу она чувствовала себя, как дома: отец строго следил за тем, чтобы в их поместье не возникало никаких происшествий. В лесу не появлялись банды, промышлявшие грабежами и разбоем, даже бродяг не было видно, поэтому ей ничего не угрожало. Девочка знала, что неподалеку за ней всегда следует брат, делая вид, что не замечает ее. Она никогда не говорила Раулю, что знает о его присутствии. Это было их немое соглашение.

Кристи любила лошадей и проводила много времени на конюшне, где старый конюх Кристофер вытирал взмокших от быстрой езды лошадей, а затем разрешал девочке накормить и напоить их. Но так было лишь тогда, когда ей не разрешалось ездить верхом. На свое шестилетие она получила в подарок маленького ослика, на котором Рауль обучал ее держаться в седле. Кристи быстро научилась управлять лошадью и сейчас была довольно лихой наездницей.

— Кристи, ты что сидишь с таким мечтательным выражением лица? Опять что-нибудь задумала? — пытливо глядя на нее, спросил Рауль.

— Нет! С чего это вдруг пришло тебе в голову? — быстро опустив глаза, произнесла она.

— Просто знаю: кода у тебя такой вид, жди неприятностей. Ты непредсказуема в своих поступках, дорогая, — Рауль поцеловал ее в висок и сел рядом, придвигая ее поближе к себе.

— Рауль, расскажи мне о турнирах, — просительно произнесла она.

— Что именно тебя интересует, детка? Они почти всегда одинаковы, не считая меняющихся рыцарей.

— Все! Мне все интересно, ведь я никогда не видела их. А мне так хотелось бы хоть одним глазком посмотреть!

— Боже! Какие странные у тебя мечты. В твои годы леди думают совсем о других вещах.

— Каких же?

— Ну, не знаю, — Рауль смутился, но, подумав, продолжил, — наверное, о платьях, прическах, возможно, даже о юношах. Хотя нет, о них тебе думать рано.

— Опять рано! — она обиженно вздернула подбородок. — Когда же будет не рано? Наверное, лет в двадцать пять, когда я буду уже древней старухой.

Рауль взорвался хохотом, он смеялся до слез, представляя, как это в двадцать пять выглядят древними старухами. Немного успокоившись, но еще до конца не отсмеявшись, он сказал:

— С тобой не соскучишься. Вот уж никогда не ожидал, что двадцатипятилетняя женщина выглядит для тебя старухой. А ты, действительно, у меня еще совсем ребенок. Но я этому рад, мне совсем не хочется, чтобы ты стала взрослой, тебя выдали замуж и увезли.

— Нет, Рауль, я тоже не хочу, чтобы меня увозили. Ведь ты не думаешь, что кто-то сейчас сделает мне предложение, даже если я мечтаю скорее стать взрослой. Правда-правда, мне совсем не хочется уезжать.

— Нет, родная, не беспокойся. В ближайшие четыре года, я думаю, тебе это не грозит, если, конечно, ты сама не захочешь перемен и не полюбишь.

— Рауль, дай мне слово, что никогда не позволишь отцу выдать меня замуж за человека, которого я не люблю.

— Торжественно клянусь! — он поднял правую руку в подтверждение сказанного, потом улыбнулся, — знаешь, голубка, у нас что-то странный разговор получается. Тебе ничего не угрожает! Ты же знаешь, как мы с отцом любим тебя и никогда не причиним тебе боли. Давай на этом разговор и закончим, думаю, он слишком преждевременен. Расскажи лучше, что делала сегодня, пока меня не было.

— О! Я облазила старую башню, ту, что за прудом, помнишь? Нашла там несколько старинных монеток, правда, они все покрылись грязью и зеленым налетом.

— Ничего, мы сумеем их отчистить. А что еще? Мисс Регина опять жаловалась отцу, что ты сбежала с урока.

— Мне было не интересно! Я потихоньку вывела из конюшни Манго и немного покаталась.

— Если три часа ты считаешь немного, тогда я сдаюсь. Что мне с тобой делать, маленький рыжий бесенок?

— Взять с собой на турнир! Честное слово, я буду вести себя примерно, никто и не заметит моего присутствия.

— Нет, моя хорошая, при всей любви к тебе я этого сделать не могу. Отец тоже вряд ли пойдет на уступки. Думаю, что тебе лучше даже не заикаться об этом.

Вздыхнув, Кристи перевела разговор на другую тему.

— Скажи, Рауль, а эта леди, Амелия Браун, тебе очень нравится? Ведь это ты к ней вчера ездил, когда не пошел со мной на пруд? — невинным голосом, в котором проскользнули нотки ревности, произнесла она.

— Не совсем так, как ты думаешь. Она невеста моего друга, графа Блэквуда. Они с Генрихом помолвлены, кажется, с рождения, но точно сказать не могу. Наши замки находятся недалеко друг от друга, в нескольких часах езды, но ты его не знаешь.

— Значит, она тебе ну вот ни сколечко не нравится? — она показала свой маленький розовый ноготок.

— Успокойся, ни сколечко не нравится, — брат потрепал ее по рыжим непослушным кудрям, упрямо вылезавшим из прически. — Теперь отправляйся спать, милая. Думаю, ты устала, ведь день у тебя выдался длинный.

Он нехотя поднялся, поцеловал девочку в щеку и направился в комнаты отца.

В свои пятьдесят восемь лет граф Каспер Мак-Ковен был высоким подтянутым мужчиной. Седина едва тронула его непокорный чуб, и то появилась она только после смерти жены. Каспер очень любил ее. Она была молода и красива, когда они впервые встретились. Как давно это было...

Кристи очень походила на мать: такие же огненно-рыжие волосы и зеленые глаза, которые меняли свой цвет в зависимости от настроения дочери. Наверное, поэтому он всегда прощал ее, любил так сильно, что иногда сам пугался своей любви. Отец боялся, что наступит такой день, когда его малютку увезут из родного гнезда. Пока, слава Богу, она еще слишком мала. Рауля он тоже любил, доверял ему, как никому другому. Ведь он его наследник и получит по праву все, чем граф владеет сейчас.

Каспер сидел в задумчивости, когда отворилась дверь, и в комнату вошел Рауль. Теплый халат мягко облегал его молодое стройное тело, крепкие мускулы были развиты не по годам. Светлые волосы, как золотой ореол, обрамляли прекрасные спокойные черты его лица. Он был также высок, как отец, только глаза зеленого цвета унаследовал от матери. Какой контраст: рыжеволосая сестра, маленькая и хрупкая, словно фарфоровая статуэтка, и рослый, грациозный белокурый брат.

— Тебе не спится, сын?

— Нет. Я только что отправил в постель нашу непоседу. Надеюсь, она уже видит прекрасные сны. Знаешь, отец, ей очень не хочется оставаться одной, когда мы уедем. Может, все-таки взять ее с собой? Она будет находиться в доме под присмотром воспитательницы, а мы отправимся на турнир. Мне так хочется сделать ей сюрприз.

— Хорошо, подумаем, но пока ничего ей не говори. Будет тяжело справиться с ее импульсивностью: она всех замучает разговорами о предстоящей поездке.

— Договорились. Скажи, отец, тот корабль, который ты отправил за товаром, уже вернулся?

— Пока нет, но я жду вестей со дня на день. Я хочу потом отправить его к южным берегам. Возможно, тебе придется пойти на нем. Как ты на это смотришь?

— Я успею закончить здесь свои дела и буду в полном твоём распоряжении.

— Договорились.

Рауль поднялся к себе в комнату, разделся и потушил свечи. В камине неровным светом догорали остывающие угольки. Вытянувшись на постели, закинув руки за голову, он мечтательно уставился в потолок. Ему очень хотелось отправиться в путешествие, но жаль было расставаться с сестренкой. Она такая непоседа, никогда не знаешь, что выкинет. Дверь спальни слегка приоткрылась, и в нее просунулась рыжая головка. Она задорно посмотрела по сторонам, а потом с диким визгом кинулась на Рауля. От неожиданности он подпрыгнул на месте и еле успел подхватить ее, иначе она перелетела бы через кровать и шлепнулась на пол.

— Что это ты надумала? Я был уверен, что ты сладко посапываешь в своей постельке.

Кристи засмеялась, видя его недоумевающий взгляд.

— Мне было скучно, я просто не могла уснуть. Ты что, не хочешь, чтобы я полежала с тобой? — она обиженно стала вырываться из его объятий, собираясь уйти.

— Да нет же, Кристи. Просто пойми, ты ведь уже не совсем ребенок, поэтому не можешь врываться ко мне в ночной рубашке. Это не прилично.

Рауль видел, как напряглись под рубашкой ее маленькие крепкие грудки. Когда он ловил ее, рубашка поднялась, оголив красивые длинные ноги. Ему впервые показалось, что она почти девушка.

— Да ладно, Рауль, не сердись, мне просто необходимо с тобой поговорить. Я хочу просить отца, чтобы вы взяли меня с собой в город. Я буду вести себя, как мышка. Честное слово, буду очень-очень послушной девочкой. Ты поддержишь меня, если папа будет против?

Он быстро прикрыл ей ноги и посадил на кровать.

— Посмотрим. Обещай мне, что всю неделю до отъезда ты будешь заниматься с мисс Региной, и она останется тобой довольна. Тогда, думаю, я замолвлю за тебя словечко отцу, может, он и разрешит тебе поехать. А теперь будь умницей, иди в свою комнату, а то не уверен, что буду за тебя просить.

— Я уже убегаю, — Кристи наклонилась, поцеловала брата, — спокойной ночи. Я так люблю тебя, Рауль, так люблю, — соскочила с кровати и быстро зашлепала босыми ногами по полу.

Рауль улыбнулся и покачал головой ей вслед. Потом нехотя поднялся, накинул халат и шагнул из комнаты в темноту коридора. Наощупь отыскав перила, он тихонько спустился с лестницы и вошел в комнату служанки.

Сьюзен была симпатичной пухленькой девушкой. Она постоянно кокетничала с Раулем и строила ему глазки. У него не было привычки приставать к служанкам, как делали все его знакомые мужчины, но сегодня он решил посетить эту маленькую распутницу, так как просто не смог бы уснуть один.

Кристи поднялась до рассвета. Она любила купаться в пруду, когда все еще спят. Одевшись, она спускалась вниз, когда, проходя мимо комнаты Сьюзен, услышала шорох. Кристи быстро спряталась и затаилась, наблюдая за дверью. Из укрытия она видела, как Рауль поцеловал служанку и быстро побежал наверх в свою комнату. Сьюзен сладко потянулась, словно разомлевшая на весеннем солнышке кошка, и закрыла дверь. Кристи выбралась из тайника и, хмыкнув, выбежала на улицу.

Было прекрасное утро. Теплые лучи утреннего солнца едва пробивались через листву вековых деревьев и несмело начинали ласкать зеленый ковер мягкой травы. Босыми подошвами девушка чувствовала прохладу земли. От росы, капельками блестящей на траве, ноги ее быстро стали мокрыми. Искупавшись в холодной кристально-чистой воде, она вернулась домой.

Слуги, неслышно ступая, чтобы не разбудить хозяев, занимались повседневной работой: одни вытирали пыль, другие полировали воском и без того блестящий паркет. Сьюзен в белом накрахмаленном переднике, кокетливо завязанном на спине бантом, накрывала стол к завтраку. На лице ее играла довольная улыбка, словно она всю ночь сладко спала, а не занималась любовью с ее братом.

— Сьюзен, ты выглядишь как кошка, которая недавно наелась сметаны.

— О, леди Кристи! Вы рано поднялись сегодня. Подать вам завтрак или подождете отца с братом?

— Как всегда я буду завтракать вместе с ними, — отозвалась она и гордой походкой прошествовала к себе в комнату.

Через неделю за завтраком отец объявил, что согласен взять дочь с собой в город. Кристи сорвалась с места и, подбежав, прыгнула ему на шею с такой силой, что он еле удержался на стуле.

— Тихо! Тихо! Ты чуть не свалила меня! Ведь я уже не так молод, как ты, дорогая, пощади меня немного.

— Что ты, папочка, ты у нас мужчина хоть куда. Я же вижу, как смотрят на тебя все незамужние женщины и вдовушки, когда мы ходим в церковь. Ты очень привлекательный!

— Вот подлиза! Ведь я уже разрешил тебе ехать с нами, поэтому вовсе нет нужды мне так льстить.

Рауль с улыбкой наблюдал за ними, потом встал и обратился к Кристи:

— Собирайся, Рыжик, ты заслужила эту поездку. За неделю от мисс Регины не было ни одного замечания. Она просто не нахвалится, ты превзошла самое себя.

Наутро заложили повозку, в которой уютно расположились на подушках Кристи и ее воспитательница. Обе были возбуждены предстоящей поездкой. Рауль и отец предпочли путешествовать верхом. Кристи было возмущалась тем, что ей не разрешают ехать верхом, но тут же пошла на попятную, услышав угрозу оставить ее дома, и живо забралась в повозку, так и не увидев улыбок на лицах обоих мужчин. Им было даже непривычно, что Кристи сдалась без боя, хотя могла одержать очередную победу. Она быстро успокоилась, прижав к себе маленького белого пуделя, дрожащего от страха. Молли боялся лошадей, нервничал, и хозяйка нежно почесывала его, пытаясь успокоить:

— Ну, что за неразумное животное, сиди тихо, — нежно ворковала девочка ему на ухо.

Кристи радовалась поездке. Как зачарованная смотрела она на луга, простирающиеся за окном, сочная трава радовала глаз, день выдался солнечным, на небе не было ни облачка. Путники остановились в деревне напоить лошадей и самим подкрепиться. Деревенский постоялый двор был тесен, но пища оказалась вкусной, молоко теплым и пахнущим сеном, а хлеб, поданный суетливым лысым хозяином в засаленном переднике, горячим и ароматным. Плотно пообедав, они снова тронулись в путь. Хозяин долго стоял в воротах, махая им вслед.

В столицу приехали, когда начало смеркаться. На небе, будто опасаясь чего-то, несмело одна за другой появлялись звезды. Таинственно и горделиво из-за тучи выплыла луна, освещающая нежным светом землю.

Их городской дом находился на одной из главных улиц. Он был великолепен: огромные мраморные колонны поддерживали крышу, скорее, это был маленький дворец. От ворот до самого подъезда расположились круглые водоемы с рыбками, прекрасные розы на ухоженных клумбах издавали головокружительный аромат. Везде горели светильники и сновали люди. Слуги, ожидавшие приезда хозяев, вышли навстречу подъезжающей повозке и, взяв под уздцы лошадей, помогли выйти уставшей воспитательнице. Кристи же, будто и не проделала столь долгого путешествия, выпрыгнула сама и устремилась в дом, с любопытством осматриваясь. Давненько она не была здесь, вот уже пять лет, как она не покидала, старинного, но столь любимого замка.

Отец и Рауль, запыленные, но довольные, что путешествие, наконец, закончилось, ушли мыться, чтобы за ужином выглядеть чистыми и свежими. Кристи тоже была предложена горячая ванна, в которую она с удовольствием нырнула.

— Ну, что скажешь, дочка? Устала? Думаю, что сегодня ты будешь спать крепче обычного, — сидя за столом, проговорил отец.

— Может быть, папочка, но не уверена, что смогу быстро уснуть, очень много было

впечатлений.

— Ну, что я тебе говорил? — с гордостью заметил улыбающийся Рауль, — ей дорога нипочем. Она как ураган, готовый все сокрушить на своем пути. Мне бы ее темперамент на завтрашнем турнире, тогда бы я, наверняка, всех победил.

— Ты обязательно победишь, мой дорогой братец. Ты у нас такой большой и сильный! Я не знаю никого больше чем ты, конечно, не считая нашего папу, — и она с любовью посмотрела на обоих.

— Посмотрим, посмотрим, сестренка. Думаю, есть кое-кто и посильнее меня.

Всю ночь Кристи обдумывала план, как ей попасть на турнир, и только под утро сон все же сморил ее. Она не слышала, как уехали отец с братом, а когда проснулась, за окном был полдень, и солнце уже припекало вовсю. С быстротой молнии она вскочила с постели, оделась и выбежала из дома. Возле конюшни она заметила мальчика, который кормил овсом лошадей.

— Как тебя зовут?

— Джозеф, леди, к вашим услугам.

И тут Кристи нашла выход из положения. Быстро прикинув рост мальчика, она удостоверилась, что они с ним одного роста.

— Джозеф, у тебя есть еще штаны и куртка?

— Да, леди, но почему вы об этом спрашиваете?

— Тогда пойди и принеси мне их, а потом я тебе все объясню.

Мальчик бегом кинулся выполнять поручение. Когда перед изумленным взглядом Джозефа она появилась в образе мальчишки, он чуть не покатился со смеху.

— Но ваши волосы, леди? С ними вы никак не походите на мальчика!

— Тогда давай сюда свою кепку! — и она быстро сорвала ее с головы мальчишки, — теперь сойдет?

— Да, но к чему весь этот маскарад? Вот бы ваш отец удивился, увидев вас в таком виде.

— Надеюсь, он не увидит, а ты ему не скажешь, — она погрозила ему пальцем, — теперь пошли со мной. Мы должны попасть на турнир.

— Но ваш отец... Он меня выпорет! Где это слыхано, чтобы леди в таком виде расхаживала по улицам. Нет, я на такое не решусь.

— Тогда я сейчас выпорю тебя сама! — Кристи схватила кнут, как будто, действительно, собиралась сделать то, что обещала.

Мальчик поспешно отскочил от нее и закричал:

— Ладно-ладно! Я пойду с вами, только уберите кнут. И да поможет мне Бог, если хозяин узнает об этом.

Удовлетворенно хмыкнув, Кристи взяла на руки Молли и поспешила за Джозефом.

Турнир подходил к концу, когда они, наконец-то, добрались до места. Кристи во все глаза смотрела на арену. На черном, огромном под стать хозяину, коне гарцевал, держа подмышкой шлем, красавец-мужчина. Черные кудри его развевались на ветру. Со всех сторон неслись восторженные крики женщин и к его ногам летели цветы. Один цветок чудом зацепился за седло, рыцарь взял его в руку и махал из стороны в сторону. Конь пригнулся на одно колено и так же, как хозяин, раскланивался во все стороны. Зрелище от этого стало еще более восхитительным.

— Какое умное животное, — подумала Кристи, пробираясь через толпу к выходу на арену. Ей хотелось вблизи рассмотреть победителя. Но как только конь и всадник почти

поравнялись с ней, Молли вырвался из рук и с громким визгом бросился под копыта очумевшего от неожиданности коня. Уже ничего не соображая, Кристи сломя голову бросилась спасать своего любимца и сама чуть не угодила под вставшую на дыбы лошадь. С криком ужаса она свалилась на землю, крепко прижимая к себе вырывающегося песика.

Генрих, не помня себя от страха за жизнь мальчишки, неимоверным усилием успокоил коня. Потом, легко соскочив, подхватил с земли дрожащее создание. Он едва успел удивиться, что мальчик почти ничего не весит, как у того с головы вдруг слетела кепка, и рыжие кудри почти скрыли лицо. На Генриха смотрели лишь испуганные, такие зеленые глаза, каких ему еще видеть не приходилось. Опешивший, он так и держал свою невесомую ношу на руках, не решаясь поставить на землю.

Кристи задыхнулась от нахлынувших на нее чувств, она утонула в бездонных васильковых глазах этого гиганта. Кольчуга сильно врезалась ей в грудь, но она даже не заметила этого, вдыхая аромат его разгоряченного тела, смешанный с запахом пота и еще чего-то, чего она не могла понять. Вот это контраст: черные кудри и синие глаза! Такое она видела впервые. Сердце Кристи готово было выпрыгнуть наружу, душа пела и ликовала. Она даже испугалась того, что с ней происходит.

Придя, наконец, в себя, Генрих опустил ее на землю, и она, быстро подхватив свою кепку, исчезла в толпе.

Рауль бежал, сколько было сил: белый пудель, бросившийся под ноги коню, мог принадлежать только одному человеку. Его подозрения перешли в твердую уверенность, когда он увидел развевающиеся рыжие кудри.

— Я убью эту девчонку, только бы она осталась жива. Выдерну ей ноги, чтобы больше не могла лезть туда, куда не положено, — со злостью думал Рауль, протискиваясь через толпу зевак.

— Нет, этот несносный ребенок опять пропал! — задыхаясь от быстрого бега, прорычал он, остановившись возле Генриха.

— Да, захватив с собой мой цветок победителя. Но кто это был, Рауль, ты ее знаешь? — вопросительно уставился он на друга.

— Еще бы! Эти рыжие волосы мне слишком хорошо знакомы. Представь себе, это моя маленькая взбалмошная сестра. Придется мне, в конце концов, поколотить ее, чтобы не делала глупостей. Ох уж эти дети, от них одни неприятности! Скажи, Генрих, она не пострадала, с ней все в порядке?

— Ну, судя по тому, как она улепетывала, все в порядке. Во всяком случае, переломов и синяков я не заметил. Уверен, что она жива и здорова.

— Уф! Я думал, умру от страха. Да, Генрих, здесь мы пробудем несколько дней, а через недельку жду тебя в гости. Приезжай, устроим неплохую охоту, я тебе обещаю.

— Хорошо, если дашь мне слово, что твой рыжий бесенок не будет сводить меня с ума. Я и так не могу прийти в себя после случившегося. Она что, всегда такая?

— Это чистое наказание, а не ребенок. Но, знаешь, я ее очень люблю; боюсь, что и на этот раз ей все сойдет с рук, впрочем, как обычно. Мы с отцом ей все прощаем, вот и разбаловали на свою голову.

Друзья сердечно распрощались и разошлись каждый в свою сторону. Увиделись они только через месяц.

На этот раз Кристи, действительно, испугалась. Разъяренный вид бежавшего за ней Рауля не предвещал ничего хорошего, поэтому, едва добравшись домой, она быстро

переоделась и села за клавесин. Кристи надела любимое платье Рауля, бледно-розовое с алыми оборками, и повязала под цвет платья огромный бант. Сегодня ей особенно хотелось выглядеть совсем маленькой и беззащитной девочкой.

Быстрым шагом Рауль пересек гостиную (он уехал с турнира, даже не дождавшись отца) и остановился возле сестры.

— Знаешь что, тебе не провести меня своим ангельским видом! — и рывком подняв со стула, чуть не вытряс из нее душу.

— Отпусти, мне больно!

— Больно? Сейчас будет еще больнее: я тебя выпорю! Ты до смерти напугала меня и Генриха Блэквуда, он же мог убить тебя, понимаешь?!

— Так вот, значит, кто был этот прекрасный рыцарь — Генрих, — пронеслось в голове девочки. С трудом вырвавшись из стальных рук брата, Кристи отбежала в конец комнаты.

— Если ты... Если ты, — задыхаясь от страха пролепетала она, — тронешь меня, я расскажу папе, что ты утром выходил от Сьюзен, — и уставилась на растерявшегося брата.

— Что-о?! — только и смог прорычать он в ответ.

— Что случилось, Рауль? У тебя такой вид, будто ты проглотил ежа, — услышал он голос отца.

— Хуже, папа, я проиграл турнир, ты же знаешь.

— Ну, это не так страшно. Выиграешь в следующий раз. О! Кристи, девочка моя, ты просто великолепно выглядишь. Воспитательница сказала, что ты вела себя безупречно, не выходила из комнаты. Что, так сильно утомилась вчера?

— Да, папочка, очевидно, — сделав реверанс, она подбежала к отцу и уткнулась ему в грудь. Потом победно посмотрела на Рауля: он стоял, сжав до боли кулаки, так что пальцы стали белыми.

Кристи бредила великолепным рыцарем. Он снился ей по ночам, в конце концов она поняла, что безнадежно влюбилась. У нее нет никаких шансов на будущее с ним: она помнила, что он уже помолвлен, как сказал однажды брат, с этой выскочкой леди Браун.

Накануне охоты, когда стали съезжаться гости (не было только Генриха), Кристи умоляла отца и Рауля взять в лес и ее тоже, но обиженный брат наотрез отказал ей.

— Все, Кристи, на этом разговор будем считать законченным. Ты никуда не едешь!

Кристи стояла спиной к дверям, когда сердце вдруг заволновалось, и душа ушла в пятки. Даже не поворачиваясь, она знала, кто вошел.

— Генрих, дорогой! Я уж начал волноваться, что ты не приедешь, — поспешил навстречу вошедшему Рауль.

— Ну, что ты! Я же заядлый охотник и не пропускаю ни одного случая. Когда начинаем?

— Выезжаем с рассветом. Охотимся на кабана. Ну, как, тебе нравится?

— Еще бы, неплохая разминка!

— Тогда пошли, выпьем по кружке эля, — и они, обнявшись, пошли в столовую, забыв о Кристи.

— Так! Даже не заметил меня, как будто я пустое место! Это уж слишком! Ну, ладно, я о себе напомним, черный дьявол, век меня не забудешь! — и быстро взбежала по лестнице в свою комнату. К ужину Кристи не вышла.

Рано утром, пока охотники не спустились к завтраку, она переоделась мальчиком (эту одежду Кристи прихватила с собой из города, уговорив Джозефа отдать ее ей) и направилась

в лес. Еще не рассвело, деревья казались сказочными великанами. Так рано ей еще не приходилось бродить одной. Кисти вздрагивала от малейшего шороха и крика ночных птиц. Небольшая пичужка выпорхнула из-под ног, и девочка от страха бросилась бежать, не разбирая дороги. Выскочив на небольшую лужайку, она отдышалась и осмотрелась. С детства она бродила по всему лесу, окружавшему замок, но всегда знала, что находится не одна, и в любую минуту может позвать Рауля. Сейчас помощи ждать было неоткуда. Кристи забралась на высокое дерево, прижалась к стволу, обхватив его руками, и успокоилась. Здесь она чувствовала себя в безопасности.

Рога трубили, возвещая начало охоты. Шесть всадников едва удерживали лошадей, а псы, словно совсем свихнулись: десять борзых не могли устоять на месте в предвкушении погони.

Генрих был одет в черный костюм для верховой езды; его сапоги достигали колен; накидка, переброшенная через одно, застегивалась огромной брошью; на голове красовалась шляпа с тремя белыми страусиными перьями. Остальные охотники были одеты в разноцветные костюмы, которые пестрели всеми оттенками радуги.

Спустили собак, и началась охота. Генрих, словно ураган, несся на своем вороном коне. Плащ развевался на ветру, как крылья огромной черной птицы. Прямо на него из чащи выскочил матерый кабан. Всадник едва успел убраться с тропы, как зверь, преследуемый сворой собак, пронесся мимо, не обратив на него никакого внимания. Развернув Габо, Генрих поскакал следом. Часа полтора он гонял по лесным тропам, не слыша охотничьего рога, пока, наконец, настиг добычу. Даже собаки, выдохшись, прекратили преследование. Скинув с плеча лук, он выстрелил в уставшего зверя, тот резко подпрыгнул на месте и покачнулся. Второй выстрел был более точным, но кабан вдруг рванулся с места и побежал. От боли он потерял ориентацию, с силой врезался головой в дерево, дернулся и затих. Каково же было удивление Генриха, когда после удара с дерева что-то слетело и кубарем подкатилось прямо к ногам его лошади. Волосы этого неведомого комка сверкали на солнце рыжими бликами.

Кристи расслабилась и даже задремала, когда раздался топот копыт, и в дерево что-то сильно ударило. Не удержавшись спросонок, она свалилась вниз.

— Нет, это уже слишком! Опять ты и опять под копытами моего коня! Да что же это такое? — ворчал он, соскакивая с лошади и поднимая девочку. Вид у нее был затравленный. — Скажи на милость, как ты здесь оказалась? Похоже, Рауль прав: ты не ребенок, а сущее наказание. Да перестань ты вырываться! — и крепче ухватил ее за руку. — Сейчас ты сядешь со мной на коня, и мы поедем в замок.

— Отпусти! Я с тобой не поеду! И я вовсе не ребенок! Ну, что я такого сделала на этот раз? Мирно сидела на дереве, а тут — бам! В общем, отпусти, я дорогу домой сама знаю, — не мигая, в упор смотрела на Генриха Кристи.

Удивившись ее прямо-таки огненному темпераменту (видно, все рыжие такие), он, как мешок, взял ее подмышку и без всяких усилий вскочил в седло.

— А если будешь брыкаться, то, думаю, придется в таком подвешенном состоянии тебя доставить пред грозные очи старшего брата. Тебе выбирать.

— Хорошо, твоя взяла, — прохрипела она, — я хочу принять вертикальное положение.

— Умница, девочка, — он легко перевернул ее и посадил в седло впереди себя. — А ты мне нравишься. Когда подрастешь и будешь не такой колючей, я, возможно, сделаю тебе предложение, — и весело расхохотался во все горло.

— Вот не везет, так не везет, — думала про себя Кристи, сидя впереди Генриха. — Постоянно попадаю с ним в какую-нибудь неприятность. Ну, почему из всех охотников надо было именно к нему под копыта свалиться?

Но вскоре приятная близость его большого теплого тела полностью вытеснила все мысли из головы, странное возбуждение охватило ее.

— Господи, неужели я такая испорченная, что одного его прикосновения хватает, чтобы я прыгала от счастья? А что это он там говорил насчет того, когда я подрасту? Ух!.. Наверное, ему доставляет радость при каждой нашей встрече вгонять меня в краску, — щеки ее, действительно, почти не отличались цветом от волос.

Генрих в задумчивости уставился в затылок Кристи. Ее волосы ласкали его лицо нечаянными прикосновениями

— Что это со мной? — удивленно раздумывал он, — эта маленькая бестия поднимает во мне чувства, которые не поддаются здравому смыслу. Наверное, от всего пережитого я слегка тронулся умом. Я взрослый мужчина, повидавший столько женщин... Просто непостижимо: как только держу в руках этого рыжего котенка, едва сдерживаю желание поцеловать ее маленькие розовые губки. А какой аромат издает ее гладкая кожа, волосы пахнут весной, излучая солнечный свет...

Он непроизвольно нагнулся и поцеловал ее золотую макушку. — Совсем спятил? Ведь она еще ребенок! Нет, прочь отсюда, из этого замка, от греха подальше! Приходит же такое в голову! — Генрих резко выпрямился, отодвигаясь подальше от соблазна заключить свою спутницу в объятия.

— Хоть бы он меня поцеловал, — мечтательно думала Кристи, обводя влажным языком пересохшие губы, потом закрыла глаза и прислонилась к нему спиной.

Генрих замер, не смея пошевелиться. — Что она делает?! Неужели не соображает, что я не нянька, а мужчина в полном смысле этого слова? — он мысленно повторял сейчас, как и в первую их встречу, что она еще ребенок. Правда, когда держал ее в объятиях там, на арене, то чувствовал под рукой упругий бугорок вполне созревшей груди, а облегающие штаны совсем не скрывали прелести стройных ножек, скорее, наоборот, подчеркивали ее. Разве можно ко всему этому оставаться равнодушным? Кристи повернула к нему кудрявую головку, как будто подставляя ему очаровательный ротик. Откуда ему было знать, что эта девочка в жизни ничего еще так не хотела, как его поцелуя. Даже не осознавая того, что делает, она старалась спровоцировать его на этот необдуманный поступок. Совсем потеряв голову, Генрих наклонился и припал к ее трепетным губам в долгом неистовом поцелуе. Его начало трясти, когда, подавшись к нему, Кристи обвила руками его шею, и ее дыхание участилось. Усилием воли он оттолкнул ее от себя.

— Прости, девочка, никогда больше не делай этого, слышишь? Мне стыдно за свой поступок: ты еще слишком мала и не осознаешь своих действий, а я решил подыграть тебе, — отводя в сторону горящие желанием глаза, проговорил Генрих.

Кристи молча отвернулась, по ее щекам скатились две слезы. Это были слезы восторга, оттого что она испытала, какой нежный поцелуй может подарить этот огромный и такой красивый мужчина. Свой первый поцелуй она не забудет всю жизнь!

Впереди показался замок, к этому времени она оба полностью овладели собой. Кристи соскользнула с коня и помчалась прочь. Генрих же, естественно, ничего не сказал Раулю о встрече с Кристи в лесу, только подробно объяснил, как найти застреленного кабана. Рано утром, сославшись на дела, он быстро уехал. Оставшись, он мог наделать глупостей, а

причинять страдания лучшему другу не хотелось. Удивительно, что в этот раз у него сдали нервы. Он всегда был хладнокровен, и ни одна женщина так не волновала его, как эта пигалица с глазами кошки.

Вечером после ужина Рауль зашел в комнату Кристи и присел к ней на кровать.

— Все еще дуешься, киска? — он ласково погладил ее по щеке, и она с ревом уткнулась в него. — Ну, что ты, что ты, родная. Я не думал, что так обидел тебя, прости! Я очень испугался, мне показалось, что я умираю, когда увидел тебя под копытами лошади. Дай слово, что никогда не будешь рисковать своей жизнью. Мы с отцом не переживем, если с тобой что-нибудь случится.

— Обещаю! Ох, Рауль, я так люблю тебя, мне было без тебя плохо и одиноко.

— Я больше не оттолкну тебя, Рыжик, — и, взяв ее на руки, стал баюкать, как когда-то в детстве, пока она не затихла и не уснула. Осторожно положив на кровать, он накрыл ее пледом, тихонько вышел и затворил за собой дверь. Рауль и не подозревал, что его маленькая сестренка так рыдала из-за своей первой любви, заново переживая и восторг поцелуя, и то, что ее отвергли.

Прошло три года. Кристи превратилась в красивую грациозную девушку чуть выше среднего роста, с длинными ногами и осиной талией. Она стала спокойнее и уже гораздо меньше доставляла хлопот окружающим, только, как и в детстве, когда ей что-то не нравилось, встряхивала головой, отчего огненно-рыжие пряди разлетались по сторонам, а зеленые глаза светились непокорным огнем. Еще год назад ее должны были представить его Величеству Королю Ричарду, но бал был отменен из-за внезапной кончины его жены при родах. А потом начался Крестовый поход против сарацинов ради единственной цели — освобождения Священной земли. Англия и Франция, объединив свои армии, ввязались в длительную войну. Рауль, призванный королем, покинул родные стены и отправился за ним. Увидит ли сестра его когда-нибудь? Сможет ли прикоснуться к волосам, так напоминающим цвет спелой пшеницы? Дни, проходившие без него, казались Кристи тоскливыми и однообразными. Отец, как мог, утешал ее, вселяя уверенность, хотя сам, она видела это, был преисполнен тревоги. Да и как было не волноваться: единственный сын и наследник. Кому он передаст свой титул и владения, если случится непоправимое? В замке больше не слышался звонкий смех Кристи, она бродила по парку в поисках привычного утешения и слушая пение птиц. Тоска от разлуки с братом вытеснила даже мысли о Генрихе. Выбравшись из парка в лес, Кристи все дальше и дальше удалялась от замка. Ее будто манила убегающая в чащу извилистая тропинка. Эхом отдавался в тишине хруст веточек под ногами. Вдруг Кристи остановилась и прислушалась: ей показался подозрительным шорох, исходивший со стороны большого дуба. Оглянувшись, она ничего не заметила, но, не сделав и двух шагов, упала от тяжести навалившегося на нее тела. Некто, издающий запах перегара и не знавшего мыла тела, зажал ей рот грязными пальцами и быстро скрутил руки за спиной. Выскочивший из-за дерева второй, такой же грязный и лохматый, стал помогать ему, кряхтя и ругаясь. Наконец, привязав ее к дереву веревками, они стали рассматривать ее и громко смеяться.

— Вот это красotka попалась нам в руки! Смотри, Лохматый, ну и глазищи, того и гляди, прожгут насквозь.

— Да уж, улов так улов, намного лучше прошлого! Недаром, значит, мы ушли от Гарри Одноглазого, удача повернулась к нам лицом, — лихо сплюнув, повернулся он к онемевшей от всего случившегося девушке. — Тебя как зовут, крошка? Видно, что ты из богатой семьи, значит, мы получим за тебя большой выкуп, правда, Плешивый?

— Здорово! Вот напьюсь тогда. Погуляем вволю, браток! — он сорвал с ее шеи шарф, — это будет вместо письма твоим родным.

— Ну, чего молчишь? Кто ты такая? Если не скажешь, где живешь, мы живо расправимся с тобой! На кой черт ты нам тогда будешь нужна?

— погоди, Лохматый, может, немного позабавимся? У меня отродясь не было такой красивой шлюхи, — и он уставился на Кристи припухшими масляными глазами. От вожделения у него приоткрылся рот, обнажив гнилые зубы.

— Замри, Плешивый! Она, я думаю, девочка неглупая и все расскажет.

Кристи понимала, что спасти ее некому, и ей ничто не поможет. Только теперь она вспомнила, как перед отъездом Рауль запретил ей удаляться от замка без сопровождения (на

дорогах и в лесах стали появляться шайки беглых крестьян, которые убивали и грабили проезжающих). Но что сделано, то сделано; будет урок на будущее.

— Я Кристина, дочь графа Мак-Ковена, наш замок находится в нескольких милях отсюда, — и гордо вскинув голову, она с презрением посмотрела на своих похитителей.

— Большая удача! Слышал, Плешивый? Ты пойдешь в ближайшую деревню и покажешь вот это, — он протянул шарф Кристи. Потом скажешь, чтобы ее отец принес выкуп и положил в то место, которое мы сейчас наметим. Заберешь выкуп и сюда, я пока ее постерегу, а там видно будет.

Кивнув в знак согласия, Плешивый засунул шарф за отворот грязного камзола (видимо, снятого с какого-нибудь солдата) и поспешил скрыться за деревьями.

— Так вы отпустите меня, когда получите выкуп? — в ожидании ответа Кристи затаила дыхание, не спуская глаз с отвратительного, покрытого лохматой бородой лица.

— Посмотрим, — как-то неопределенно ответил Лохматый, но все же подошел к ней и немного ослабил веревки. — Думаю, делать этого не стоит: выкуп мы и так получим, а лишние свидетели нам ни к чему.

Значит, она оказалась права в своих догадках. Они просто убьют ее, а тело заруют здесь. Отец и не узнает, где она похоронена.

— Ничего у вас не выйдет, — пробормотала тихо Кристи и, пока разбойник смотрел в сторону, попыталась еще больше ослабить веревку.

— Я пойду, принесу наши вещи. Надо приготовить ужин и отпраздновать такую удачу. На рассвете нам предстоит долгий путь. А ты стой смирно.

— Не думаете же вы, что я смогу убежать вместе с этим деревом за спиной. Это глупо!

— И правда, я об этом не подумал, — он решительно направился в лес за своими пожитками, больше не волнуясь за пленницу.

Кристи лихорадочно старалась освободить руки. Выпутавшись из веревок, она стремглав бросилась в чащу. Лишь бы ее не поймали снова! Ветки деревьев больно хлестали по лицу, оставляя красные полосы на нежной коже. Сучки старались оставить на себе хоть часть ее волос, которые огненной гривой развевались за спиной. Платье она порвала, даже не заметив этого. Кристи бежала, не останавливаясь, уже долго, дышать становилось все труднее и труднее. Из горла вместе с дыханием вырывались хрипы, а легкие горели так, словно в них влили расплавленное железо. Выбившись из сил, она кубарем скатилась в попавшуюся на пути яму и залилась горькими слезами. Поплакав и немного отдышавшись, она вылезла из ямы и огляделась. Недалеко стояла старая разбитая мельница. Мысленно пожелав себе удачи, девушка приблизилась к двери, каким-то чудом державшейся на единственной петле. Осторожно приоткрыв ее, Кристи протиснулась и оказалась в темном запыленном помещении. Когда глаза привыкли и стали различать предметы, она осторожно двинулась вперед. В желудке сосало. Прошло достаточно много времени с тех пор, как она ела в последний раз, сидя в столовой замка напротив любящего отца. Вздохнув, девушка продолжила осмотр и чуть не упала, наткнувшись на разбитые жернова. Она нашла кучу какого-то старья и в изнеможении опустилась на нее. Крепкий без сновидений сон свалил беглянку. Она проспала до ночи и проснулась от звука дождя, барабанившего по ветхой крыше, через дыры струйками стекала вода. Старые стены немного защищали от свистящего пронизывающего ветра, но все равно было очень холодно, темно и страшно. Пролежав до рассвета, она решила, наконец, выбираться из своего пристанища. Дождь прекратился, и появилось еще несмелое, но такое долгожданное солнышко. Стало теплеть. Кристи

осмотрела на кучу тряпья под собой и обнаружила платье, очень старое и потрепанное, но все же платье. Ей необходимо было как-то измениться для того, чтобы добраться до дома и не быть вновь пойманной в качестве богатой добычи. Она натянула на себя то, что когда-то было платьем: в таком наряде ее примут за бродяжку, но никак не за леди. Ей стало даже весело: вот бы посмотреться в зеркало, на кого она стала похожа. В нелепом платье, едва прикрывающем колени, с босыми ногами (ее туфли после бега по лесу стали совершенно негодными) она вышла наружу. Идти без обуви по грязи было непривычно и трудно: Кристи часто спотыкалась и поскользнулась, так что, когда выбралась на незнакомую ей дорогу, ноги, руки и платье были все в грязи. Пытаясь сообразить, куда она попала и как добраться до дома, девушка догадалась, что с перепугу бежала в противоположную от замка сторону. Как теперь быть? Проклиная все на свете, она побрела по дороге в надежде, что она куда-нибудь ее приведет. Несколько часов Кристи голодная и продрогшая, хотя светило солнце, брела, куда глаза глядят. Увидев идущих впереди людей, она с новыми силами поспешила догнать их. Но радость быстро сменилась ужасом, когда она поняла, на кого наткнулась. Вот уж из огня да в полымя: четверо грозного вида мужчин вели связанных женщин и детей, видимо, беглых и пойманных крестьян. Кристи хотела побыстрее спрятаться, пока ее не заметили, но было поздно. Один из замыкавших процессию увидел ее и заорал во все горло:

— Держи ее! Еще одна нищенка. Посмотрите-ка, совсем молоденькая, за нее, думаю, больше отваяют, чем за этих дохлых старух.

Кристи не переставала вырываться из рук, схвативших ее, как клещи.

— Хватай ее за космы, а то убежит, — вопил другой, бросившись на помощь с веревкой в руках. Девушку связали и пристроили к остальным. Объяснять, кто она такая, не было никакого смысла. Да и кто ей поверит? Леди не разгуливают в таком виде по грязным дорогам и без сопровождения.

Кристи, покоровшись, побрела следом за остальными. Примерно через час-два эта процессия вошла в ворота какого-то замка, обитатели которого в молчаливой растерянности наблюдали за ними. Кто-то позвал хозяина, и тот вскоре появился, не менее удивленный непрошеными гостями. Это был пожилой человек шестидесяти пяти — семидесяти лет. Его темные с проседью волосы, зачесанные назад, открывали большой умный лоб. Костюм светло-серого цвета сидел мешковато, кружевное жабо белой рубашки подпирало подбородок. В руках он держал палку, словно без нее ему трудно было передвигаться. Его лицо имело бледный нездоровый цвет, но взгляд был мягкий и теплый. От глаз во все стороны разбегались морщинки, придавая лицу лукавое выражение.

— Что тут такое? Объясните, зачем вы пожаловали в мои владения? — он строго посмотрел на пришедших людей.

— Господин, не соизволите ли вы купить у нас их. Думаю, вам понадобятся лишние слуги. Мы возьмем недорого, — промямлил один из охранявших и попятился назад.

— Я не собираюсь никого покупать, мне и своих слуг достаточно, — резко проговорил хозяин.

Кристи сорвалась с места в надежде просить помощи и защиты, признавшись, кто она такая. Но, пробежав несколько шагов, так и приросла к месту: к пожилому господину подлетел всадник на черном коне, при виде которого она чуть не лишилась чувств. Это был Генрих, как всегда красивый и самоуверенный, вот только рука висела на перевязи.

— Господи, он что ранен? Очевидно, поэтому и находится дома, а не в королевском войске. Вот, значит, куда она попала.

У Кристи пропало всякое желание открываться: опять она в нелепой ситуации. Но теперь ей очень хотелось, чтобы именно ее купили.

— Что случилось, отец? Тебе нужна помощь? — спросил Генрих своим могучим голосом, вогнав в ужас торговцев живым товаром.

— Пока не требуется, сын мой. Эти люди продают слуг, а я объясняю, что они нам не нужны.

Кристи взмолилась:

— Господин хороший, возьмите меня, пожалуйста, я буду делать все, что прикажете, только не оставляйте меня у них! Богом заклинаю вас, у меня нет сил идти дальше, — и упав перед ними на колени, она протянула Генриху дрожащие руки.

— Возьми ее, отец. На кухне нужна помощница: Мария заболела. Посмотрим, на что годится эта замарашка, — и, развернув коня, поскакал по дорожке.

Кристи ликовала. Спектакль, который она устроила, удался, ее все-таки купили. Было только обидно, что Генрих не узнал ее. Когда Бригитта, так звали пожилую служанку, с брезгливым равнодушием повела ее мыться, девушка весело улыбалась. Женщина отвела ее в специальную комнату, где показала чан с теплой водой и мыло, а сама удалилась, унося двумя пальцами и держа подальше от себя порванное грязное платье новой служанки. Если бы Бригитта знала, что этот наряд был надет всего несколько часов назад, то была бы несказанно удивлена происходящим. Самой же Кристи казалось, что все это было в другой жизни. Увидев себя в зеркале, она не узнала в этом взлохмаченном и грязном существе самое себя, не удивительно, что и Генрих ее не признал.

Помывшись и переодевшись в другое платье, которое ей принесли, старенькое, но все-таки чистое и выглаженное, девушка сидела и сушила свои длинные волосы. Бригитта одобрительно оглядела ее с ног до головы и повела на кухню, где ей дали стакан молока и большой кусок свежего хлеба. Голодная Кристи все это тут же съела.

Повариха оказалась толстой, но на редкость подвижной женщиной с сильными и красными от постоянного жара плиты руками. Одета она была в широкую цветастую юбку и кофту, которая едва прикрывала полную грудь, на голове красовалась белая косынка. Улыбнувшись и похлопав Кристи по спине, как единственная властвующая в этом царстве, повариха объяснила ей будущие обязанности:

— С утра подметешь пол, поможешь натаскать воды и вычистишь песком все кастрюли до блеска. Я не потерплю грязи. После завтрака, обеда и ужина хозяев вымоешь посуду. Пока все, если будут другие поручения, я скажу тебе.

Кристи была рада, что ее не заставили чистить и готовить овощи. Вот смеху-то было бы: ведь она даже не знает, как держать нож, чтобы чистить картофель. А разве она знает, как подмести пол или вымыть посуду?

— Простите меня, уважаемая, я не знаю, как все это делать, но обещаю в ближайшее время научиться, — искренне призналась она, — так уж случилось, что в роли служанки я оказалась впервые, — и грустно вздохнув, посмотрела на повариху.

— Ничего, я тебе все покажу, как-нибудь справимся. Моя дочь будет тебе помогать, пока не привыкнешь.

Первую неделю Кристи вечерами падала с ног от усталости и мгновенно засыпала.

По утрам, берясь за веник, она поднимала такую пыль, что начинала задыхаться сама. Кастрюли не хотели отчищаться от копоти и блестеть, Кристи ободрала о песок все руки, пытаясь их оттереть. А посуда? Это было сущим наказанием: как живая, она выскальзывала

из рук и с грохотом разбивалась. Когда молочник последовал за тарелкой, повариха не выдержала:

— Больше не прикасайся к посуде, иначе бить будет уже нечего. Господа голову мне оторвут за такую расточительность. А что скажет управляющий? — она в ужасе закатила глаза, — представить страшно! Лучше иди, помой овощи, благо, они не бьются.

Кристи вытерла руки и с опущенной головой побрела в другой конец кухни.

Что ж, она выдержит и это, ведь сама выбрала такую долю. Стоит только открыться графу Блэкуду, а он, как показалось Кристи, человек добрый и умный, тут же все мучения закончатся, и ее отвезут домой. Но хочет ли она этого? Нет! Видеть Генриха, пусть хоть мельком, было для нее наивысшим счастьем. Сгорая от любви, Кристи молча томилась в душевной кухне и только вздыхала.

Каспер Мак-Ковен был безутешен. Как могло случиться, что столь дорогое ему дитя исчезло?! Похитителя сразу же скрутили и доставили в замок, где он все рассказал. Но когда пришли на то место, в котором должен был дожидаться компаньон с похищенной девушкой, не нашли никого. Несколько дней крестьяне прочесывали лес, но их молодая госпожа пропала. Все молча думали, что ее уже нет в живых, и с каждым прошедшим днем эта уверенность все возрастала.

От Рауля тоже не было никаких известий. Замок погрузился в траур: граф в одночасье лишился сына и любимой дочери. И если Рауля он все еще надеялся увидеть живым, то дочь потерял навсегда. Это было расплатой за то, что он позволял ей делать все, что хотела. Если бы она не пошла в лес одна, то не случилось бы такого. Это горе почти убило его. Как теперь жить без нее, без ее нежной улыбки, звонкого смеха, всегда звучавшего в этих теперь молчаливых стенах. Никто не подбежит к нему и не повиснет на шее, обхватив руками. Как жить, не видя ее зеленых, таких родных глаз, не любуясь ее золотыми кудрями. Граф ел, спал, двигался, занимался делами, но душа его словно умерла вместе с дочерью. Радость и веселье больше не посетят эти ставшие такими серыми и унылыми стены, где любила играть и смеяться его дочурка.

Генриху не нравилась вызывающая манера поведения Амелии Браун. Отец с детства твердил ему, что они помолвлены и должны будут пожениться. Но у Генриха не было намерения это делать, зачем иначе столько лет правдами и неправдами он старался отдалить ее от себя. Ему вовсе не хотелось связывать свою жизнь с вечно капризной двадцатитрехлетней особой. На что она надеется? Неужели не понятно, что ей давно пора иметь мужа и кучу детей? Нет ведь, как пиявка, уцепилась за него, прождав столько лет. Очевидно, надеется, что отец все же заставит его жениться. Может, так оно и вышло бы, не встретить он юную рыжеволосую богиню, перевернувшую его душу. Слишком часто Генрих вспоминал о ней. Тот поцелуй, такой чистый и нежный, как сама невинность, не выходил у него из головы. Снова и снова собирался он поехать к ней, но не решался, опасаясь, что она забыла его или уже вышла замуж. Лучше не знать этого, так легче, чем сознавать, что потерял ее навсегда. В военном походе он встретил Рауля, который, как всегда, восторженно и с любовью вспоминал о сестре. Говорил, что многие посылают сватов, и, возможно, она уже выбрала кого-то себе в мужья. Вскоре в одной из битв Генрих был ранен и возвратился домой.

— Господин граф! — в дверях появилась миловидная служанка и доложила о прибытии леди Амелии Браун и кузена Джеймса.

— Вот невезение, только его не хватало для полного счастья.

Кузен Джеймс был сыном младшего брата отца. Грубый и завистливый, он всегда считал несправедливым, что все родовое наследство достается Генриху, а не его отцу, хотя Блэквуд старший никогда финансово не ущемлял их семью, оплачивая все налоги, земли, дома и лошадей. Но Джеймсу этого было мало, он мечтал завладеть всем. Генрих не опасался его, но долго общаться с ним не мог: кузен действовал на нервы.

— Приветствую вас, Амелия, — хозяин, склонившись, поцеловал ее руку, — здравствуй, кузен, давненько тебя не было в наших краях.

— Дела, дорогой, кузен, дела. Я ведь не купаюсь в роскоши, как ты.

— Да не преувеличивай. Я прекрасно осведомлен о твоём финансовом положении. Поменьше бы проигрывал в карты.

— А вот это мое дело! Твоих советов мне не нужно, — зло огрызнулся Джеймс, и внешняя любезность моментально слетела с него.

— Хватит ссориться, — обиженно надула губы Амелия, — вы оба просто невыносимы: совсем забыли о даме.

— О, прошу прощения! — вежливо улыбнулся Генрих, беря ее за руку, обтянутую кружевной перчаткой.

— Ты даже не известил меня о своем возвращении. Если бы не твой кузен, я бы так и не узнала об этом, — и, повернувшись к Джеймсу, кокетливо улыбнулась, — О, Генрих, ты ранен? — запричитала она.

— Небольшая царапина, почти зажила, так что не стоит беспокоиться. Лучше пройдемте в беседку, там нам подадут горячий шоколад. Приятно выпить чашечку-другую на воздухе, — отозвался Генрих, приглашая их в сад.

На Амелии была кокетливая голубая шляпа с перьями, которые колыхались при каждом ее движении. Платье из муслина небесно-голубого цвета со множеством оборок облегло стройную фигуру. И вся она выглядела элегантно и воздушно на фоне одетого во все черное могучего Генриха. Кристи из укромного уголка кухни наблюдала за ними. Как обидно, что не на нее глядят синие озера его глаз, что не ее держит он за руку! Боже, как устала она от ожидания!

Прошло уже три месяца, как она работает на кухне. Руки, раньше такие нежные с розовыми ноготками, огрубели от постоянной чистки кастрюль, на них появились ссадины и мозоли, талия стала еще тоньше, черты лица заострились, но не портили ее внешности. Кристи постоянно приходилось быть начеку, чтобы не стать добычей какого-нибудь слуги или приехавшего гостя. Бывало, мужчины стучались в комнатку под лестницей, в которой находилась единственная кровать, умоляя или требуя открыть, тогда ей, действительно, становилось страшно, но когда ее оставляли в покое, успокаивалась и засыпала. Ирония судьбы: быть от любимого настолько близко и так далеко! Иногда, если заболел кто-то из слуг, ее посылали натирать паркет в гостиной. Кристи чувствовала взгляды Генриха, которые он бросал на нее, тогда по спине ее бегали мурашки, на лбу выступал пот, а руки становились влажными и липкими. Всякий раз, когда они встречались, Кристи отворачивалась и не смотрела в его сторону.

Проводив, наконец-то, гостей Генрих вздохнул с облегчением. Насвистывая, он отправился к конюшне с намерением немного отвлечься верховой прогулкой. Кристи как раз выносила мусор и не заметила его, пятясь спиной: ведро было слишком тяжелым. Генрих засмотрелся на небо и столкнулся с ней. Ведро отлетело в одну сторону, а Кристи, взвизгнув от испуга, в другую. От неожиданности Генрих остановился, как вкопанный: из-за живой изгороди, куда отлетела девушка, на него, не мигая, уставились два огромных зеленых, сверкающих негодованием глаза. Подол юбки зацепился за куст, оголив стройные ноги. Генрих все смотрел и смотрел не в силах отвести взор. Оба молча изучали друг друга.

— Ты не ушиблась? — вышел из оцепенения Генрих, — тебе помочь? (Совсем, похоже, я спятил. Где это видано — помогать служанке собирать мусор?) — удивился себе Генрих.

— Благодарю, мой господин, не стоит утруждаться, я справлюсь — пыхтя от унижения, Кристи ползала на корточках, собирая мусор.

— Как хочешь, — он быстро ушел, больше не оглядываясь.

Наконец Кристи собрала все до последней соринки и дрожащими руками подхватила ведро.

— Ну что за напасть? Как только сталкиваюсь с ним, выгляжу круглой дурой. Обидно до слез! — и она, действительно, расплакалась.

Генрих оседлал своего любимого Габо и вылетел за пределы замка.

— Что за черт, как только неприятность, так обязательно из-за рыжей с зелеными глазами! Как будто все рыжие на свете сговорились досаждать мне. От этих рыжекудрых бестий всегда вскипает кровь. Неужели только из-за огненных волос я начинаю терять голову? Вероятнее всего, так и есть: ведь другие так не возбуждают, от других не стучит сердце, не мутится рассудок и не сбивается дыхание. Даже в постели, доводя до сумасшедшего экстаза очередную любовницу, я всегда сохраняю спокойствие.

Руки и ноги Кристи ныли от усталости. День выдался жарким, и ночь была душной. Она поднялась с постели и вышла во двор. Кругом стояла тишина, все спали. Вопреки предостерегающему внутреннему голосу, твердившему, что добром это не кончится, Кристи решительно направилась к пруду. Ночное зрелище очаровало ее: ивы спускали свои зеленые волосы к самой воде и полоскали в ней концы кос. Луна волшебным диском смотрела сверху, освещая землю серебристым светом. Белые лилии закрылись на ночь и мирно покоились на водной глади. Давненько ей не приходилось купаться в пруду. Быстро скинув платье и рубашку, Кристи погрузилась в нагревшуюся за день воду, удаляясь все даль и дальше от берега. Освежившаяся телом и отдохнувшая душой, она вышла на берег, и, промокнув себя рубашкой, села на нее, подставив теплomu ветерку мокрые после купания волосы.

Генрих бродил по тихому ночному саду, ноги сами привели его к пруду. Он залюбовался ночной красотой и сверканием воды в лунном свете.

— Что это? Кто осмелился купаться в такое время да еще без разрешения?

Только он собрался окликнуть наглеца, как увидел русалку, выходящую на берег. Длинные волосы едва прикрывали ее наготу, но не могли скрыть гибкого манящего тела. А какие ножки были у этой загадочной водной богини, просто дух захватывало! Генрих стал потихоньку приближаться к ней. Кристи услышала звук хрустнувшего под чьими-то ногами камня и, вскинув голову, увидела приближающегося мужчину. От страха она вскочила и пустилась наутек голышом, не прихватив одежду. Ее нагнали в два счета, схватили в железные объятия и медленно опустили на мягкую шелковистую траву, зажав рот и не давая вырваться крику ужаса. Когда Генрих понял, кого он прижимает к земле, то довольно хмыкнул: — Опять рыжая, — и, убрав руку, закрыл ей рот поцелуем. Рыжая извивалась и царапалась, как дикая кошка.

— Идиотка! — думала про себя Кристи, — так тебе и надо. Опять из-за своей глупости вляпалась, только теперь уж слишком серьезно. — Глаза ее расширились от изумления, когда она сообразила, кто на нее напал. — Боже, Генрих! — простонала она, чуть не лишившись чувств.

Генрих удивился, когда, взглянув на него, она вдруг перестала сопротивляться, обхватила его руками за шею, подставляя губы для поцелуя. Ему мешала одежда, хотелось почувствовать ее всю обнаженным телом. Он приподнялся, намереваясь встать, чтобы раздеться, и увидел явное разочарование на ее удивленном лице. Усмехнувшись, он тихо прошептал:

— Я хочу только снять одежду, а потом мы займемся любовью.

Вздых облегчения вырвался из ее уст, она-то подумала, что он узнал в ней служанку и поэтому не хочет любить ее. Разоблачившись с такой скоростью, что сам поразился, разгоряченный Генрих крепко обнял Кристи.

— Теперь приступим, рыжая. Только не будем торопиться, у нас впереди целая ночь, — нашептывал он ей на ухо.

Вся ее пылкость и смелое поведение говорили о том, что он не первый ее любовник, но ему было все равно. Он задыхался от поцелуев так же, как и она, обследовал ее рот, ощущал сладкую влагу этого родника, а когда их языки встретились, оба содрогнулись от охватившего их удовольствия. Трепещущими пальцами Кристи дотронулась до его затвердевшей, такой большой и пульсирующей мужественности. Откинув голову, Генрих застонал, умоляя ее продолжать. Она впервые видела столь откровенно желающего ее обнаженного мужчину, но чувства стыда не было. Она упивалась его мужской силой. Прикосновения к его гладкой и шелковистой плоти возбуждали ее и качали на волнах наслаждения. Руки Генриха ласкали торчащие конусы груди, а затвердевшие соски говорили ему, что им это очень нравится. Он провел пальцами по животу и опустился к холмику Венеры. Тело Кристи выгнулось, прося пощады, ей хотелось только одного: чтобы он овладел ею сейчас, сию минуту. Откровенно раскрывшись ему навстречу, она умоляла его не останавливаться, ибо огонь, горевший в низу живота, грозил сжечь ее заживо. Генрих и не надо было уговаривать, он сам был на грани помешательства. Резким толчком он вошел в нее и замер от удивления, когда Кристи громко вскрикнула. Ему не понадобилось никаких объяснений, он и так почувствовал, что лишил ее невинности. Наклонив к ней лицо, он прорычал:

— Почему ты не сказала мне, что девственница?!

— Тогда что, ты бы меня не тронул? — сквозь проступившие слезы тихо произнесла она.

— Возможно, но не ручаюсь за это. Просто тебе не было бы так больно, как сейчас. Я был бы осторожнее.

— Тогда давай продолжим. Все равно не вернуть того, что было. Ведь я уже стала женщиной, даже если ты сейчас остановишься.

— Ага, дождешься. Меня сейчас может остановить разве что конец света, и то сомневаюсь.

Теперь Генрих вел себя намного бережнее: медленно, стараясь не причинить боли, он то погружался в нее, то выходил, доставляя наслаждение. Кристи была почти без чувств, так было прекрасно ощущать его в себе. Она ликовала: теперь он опять ее, и опять первый; первый, кто подарил поцелуй, первый, кто сделал ее женщиной.

— Рыжая, какая ты сладкая! Господи! Как мне хорошо с тобой, если бы только знала...

— М-м-м, — больше ничего не смогла произнести Кристи, когда взорвалась обжигающей радостью освобождения. У Генриха вырвался стон облегчения почти одновременно с ней. Утомленные, они прижались друг к другу и уснули.

— Просыпайся, Рыжик! А то как бы нас не застали в костюмах Адама и Евы Прекрасное зрелище! — он склонился над просыпающейся Кристи, осматривая ее жадными глазами, — я могу просто не выдержать, и тогда уж точно кому-то придется созерцать наши извивающиеся в экстазе тела.

В испуге Кристи подскочила и прикрыла руками грудь, оглядываясь по сторонам.

— Успокойся, дорогая, еще никого поблизости нет, — нехотя поднимаясь, он подвинул к себе одежду. Кристи тоже встала и бегом устремилась на берег, где лежало ее платье. Натянув его на себя, она помахала рукой Генриху и умчалась на кухню.

К полудню на кухне появился управляющий помещьем и приказал Кристи идти за ним. Недоумевая и стараясь не отстать от него, она молча шла следом. Подойдя к двери, управляющий проговорил:

— Молодой господин требует, чтобы ты пришла к нему в библиотеку, тебе хотят дать новую работу, — и, понимающе улыбнувшись, удалился.

Кристи открыла дверь и несмело вошла. Она огляделась, с интересом рассматривая полки с книгами. Кабинет был пуст. Неожиданно дверь открылась, и на пороге возник Генрих. Он протянул к ней руки и, когда Кристи бросилась к нему, заключил в объятия.

— Прошло так много времени, я успел соскучиться.

— Неужели? А мне показалось, что прошло всего пять-шесть часов, — посмеиваясь над ним, прошептала девушка.

— Рыжая моя, ты меня обижаешь, — огорчился он.

— Меня зовут Кристи.

— Красивое имя, такое, как и ты сама, — и стал покрывать поцелуями ее лицо, шею, лаская при этом груди. С трудом оторвавшись от нее, охрипшим от возбуждения голосом он произнес:

— С сегодняшнего дня ты будешь работать в доме. Будешь убирать мою комнату и приносить по утрам мне в постель шоколад. Мне не хочется сильно перегружать тебя работой, чтобы к вечеру ты была свежа и полна сил. Я эгоист, да? Как ты считаешь?

— Безусловно! Но я рада, что вы проявили свой эгоизм. Я хочу отдавать все свои силы только моему господину.

Служанки, работавшие в замке, с завистью смотрели на нее. Ведь она единственная, на кого положил глаз их молодой красивый хозяин.

Утром Генрих сладко спал, когда Кристи открыла дверь его спальни и внесла на подносе чашку с горячим шоколадом. Поставив его на ночной столик, она с любовью посмотрела на спящего мужчину. Ему хоть немного удалось поспать после бурно проведенной ночи, не то что ей. Наклонившись над Генрихом, она легонько провела пальцем по его щеке, на которой пробилась чуть заметная щетина. Открыв глаза, он потянулся, затем резко притянул к себе Кристи и опрокинул на кровать.

— Что ты, что ты, ведь могут войти, — запротестовала она, немного сопротивляясь.

— Никогда! Пока я не выйду отсюда, никто не осмелится войти. Расслабься, мне очень хочется заняться с тобой любовью в своей кровати, — говорил он, начиная раздевать ее. На пол полетело платье, за ним рубашка, и его нетерпеливые губы прижались к сладкой ложбинке между грудями.

— Какой ты ненасытный, тебе все мало и мало, ты прямо преисполнен желания, — ворковала она, сильнее прижимаясь к нему.

Час спустя Генрих спустился в столовую, где его ожидал неприятный сюрприз. Амелия кипела гневом и, теребя свои перчатки, взялась высказывать все, что о нем думает:

— Какой позор! Он, видите ли, не может спуститься ко мне, так как развлекается в спальне с рыжеволосой служанкой! — не в силах совладать с ревностью кричала она.

— А почему тебя это удивляет? — грубо спросил Генрих, — кажется, я не обещал хранить тебе верность. Так к чему весь этот спектакль?

— Мы помолвлены! Таким поведением ты просто оскорбляешь меня!

— Разве? Тогда почему бы тебе не обидеться окончательно и не разорвать помолвку с таким негодяем, как я? — в упор посмотрел на нее молодой человек.

Амелия осеклась, поняв, что зашла слишком далеко, а терять его ей вовсе не хотелось.

— Ладно, ладно, я погорячилась. Просто я расстроилась, когда мне об этом сказали. Конечно, это твое дело, как и с кем проводить ночи, но, право, найдется немало приличных женщин, которые с радостью откликнутся на твое предложение.

— Ты на себя намекаешь, Амелия?

— А почему бы и нет? — уже кокетничая, продолжила она. — Разве я хуже служанки? Помнится, тебе когда-то очень даже нравилось? Может, попробуем вспомнить?

— Нет. Извини. У меня, если честно, на тебя уже не осталось сил. Ты должна понимать, что мужчина после бурно проведенной ночи способен только на то, чтобы натянуть штаны да плотно поесть. Я чертовски голоден, думаю, если не поем немедленно, начну рычать, как лев, — и, отодвинув ее с прохода, быстрым шагом направился к столу, где его ждал обильный завтрак.

Глотая слезы обиды, Кристи стояла на лестнице не в силах пошевелиться. "А на что ты еще надеялась?" — спрашивал внутренний голос, — "Что он будет говорить тебе о любви? Глупая, ты просто служанка, которая в настоящий момент ему приглянулась. Вот и все". — Как хотелось Кристи в эту минуту объявить этой Амелии, что она не менее благородная леди. — "Стоп! Какая же леди позволит себе работать в услужении да еще в открытую спать с мужчиной? Нет, признаваться бессмысленно!".

Она не стала слушать, о чем говорили, сидя за завтраком. Она не видела, как леди Амелия в гневе покинула замок. Целый день Кристи не показывалась на глаза Генриху, который терялся в догадках, что бы это значило. До вечера он так и не отыскал ее, а как стемнело, побрел к пруду. Девушку он увидел сразу: она сидела, закрыв глаза, обхватив руками колени и положив на них свою прекрасную головку. По шагам Кристи догадалась, кто пришел, но никак не отреагировала.

— Вот ты где. Что случилось, голубка моя? Тебя целый день не было видно. Ты устала? — присев рядом и обнимая опущенные плечи, обратился к ней Генрих.

— Скажи, зачем я тебе нужна? — повернув к нему голову, печально спросила Кристи.

— Странный вопрос. А почему тебя это интересует? Я сплю с тобой, потому что мне этого хочется. Ты мне нравишься. Мне нравится целовать твои обиженные губки, ласкать невинные грудки. Продолжить еще? — и принялся подтверждать свои слова действием. Она задрожала, не сумев сдержать предательское возбуждение. Но Генрих не уложил ее на песок, а усадил к себе на колени и крепче прижал. — Знаешь, Кристи, я был совсем маленьким, когда моя мать разбилась, упав с лошади. Меня выкормила и вынянчила добрая ласковая деревенская женщина. У нее тоже был маленький ребенок, но молока нам хватало на двоих. Мы с ее сыном Гейвином молочные братья. Я познакомлю тебя с ним, когда он вернется из похода (он остался там вместо меня, когда меня ранили, и я вынужден был уехать). Отец меня в детстве не очень баловал, теперь я думаю, что он был прав, не сделав из меня изнеженного капризного сынка. Мы везде были вместе с Гейвином: дрались с деревенскими мальчишками, катались на лошадях, убегали в ночное. Знаешь, как здорово было пасти лошадей, купаться, когда сядет солнце, вместе с ними в озере, а потом сидеть возле костра и печь хлеб. Удержать меня дома, особенно летом, было невозможно, хотя я очень люблю свой замок. Эти холодные серые стены как будто оживают, когда я возвращаюсь из похода. Они,

словно живые, разговаривают со мной по ночам, поскрипывая или вздыхая в углах. Не бойся, — посмотрев на пораженную Кристи, прошептал он, — это только мое воображение. Маленьким я рассматривал портреты моих знатных предков, и мне казалось, что некоторые из них смотрят на меня с любовью, а другие с осуждением. Я очень дорожу этим замком, даже не знаю, как бы я себя чувствовал, если бы, не дай Бог, он попал в руки Джеймса.

— А какой он, этот Джеймс?

— Я не люблю говорить о людях плохо, но он не вызывает у меня симпатии. Такой, как он, может нанести удар в спину, даже не задумываясь. Держись от него подальше. Он ничем не брезгует, наделал кучу долгов, проигравшись в карты. Когда я ему об этом напомнил, он взбесился и с разорвал бы меня на части, если бы одолел. У меня предчувствие, что он когда-нибудь попытается завладеть замком и, что греха таить, всем, чем владеет мой отец.

— О, Господи, Генрих! Ведь он не посмеет причинить тебе вреда? Он не попытается тебя убить? Если я правильно поняла, после тебя единственным наследником будет он?

— Да, если у меня не будет детей. Ну, что ты так испугалась? Я могу постоять за себя. Мне не впервой обороняться. На меня не раз нападали (слишком многим я переходил дорогу), но всегда получали то, чего заслуживали. Пока, как видишь, я жив и здоров. Так что не бойся и отдохни. Ты ведь всю ночь не спала и целый день на ногах. И хотя мне очень хочется любить тебя, я потерплю, — поднявшись, он подхватил притихшую Кристи на руки и без усилий понес к уснувшему замку.

Генрих лежал на кровати, сон не шел. Как ему хотелось признаться, что любит, что Кристи единственная женщина, которая волнует его. Черт! Неужели он совсем потерял голову, что готов жениться на служанке? Жениться?! Отец вряд ли одобрит это, а вся родовитая знать отвернется от него. Что же делать? Как вырваться из замкнутого круга? Но то, что он никогда с ней не расстанется, Генрих знал наверняка. Таких женщин, как Кристи, не бросают и не забывают. Утром он поговорит с отцом, расскажет ему о своей любви, о том, что не может жить без этой девушки. Провались все состояние и все титулы, если ее не будет рядом! Приняв твердое решение, он уснул.

— Генрих! Генрих! Проснись же! — Кристи изо всех сил трясла его.

— Что? Что, черт возьми, случилось! — прорычал он, сев на кровати. — У нас пожар? На нас напали?

— Хуже, Генрих! Твой отец... — и она, не сдержавшись, зарыдала, — о, мне так жаль!

— Отец! — Генрих соскочил с кровати, накинул халат и босиком бросился из спальни.

— Он в библиотеке! — не поспевая за ним, прокричала вслед девушка.

Прыгая вниз через три ступени, Генрих ворвался в библиотеку и замер в ужасе, уставившись на безжизненное тело отца.

— Лекаря! Где лекарь? — закричал он во все горло и кинулся к отцу. Как только он дотронулся до свисавшей с кресла руки, то понял, что лекарь уже ничем не поможет. Слезы катились по щекам, когда Генрих в последний раз обнимал уже остывшее тело. Он давно догадывался, что отец болен гораздо серьезнее, чем сам признавал это, до последнего занимаясь делами поместья и не позволяя уложить себя в постель. И вот теперь его не стало.

Графа Блэквуда старшего отпели и похоронили в фамильном склепе, который находился неподалеку от местной церквушки, также принадлежавшей покойному.

Поверенный семьи оглашал завещание, составленное отцом Генриха.

"Я, граф Блэквуд, в здравом уме и твердой памяти завещаю все свое состояние, а также замок Блэквуд и прилежащие к нему земли со всеми постройками и людьми своему сыну и

единственному наследнику Генриху Блэквуду.

Обязательное условие наследования: по достижении сыном возраста тридцати лет он обязан жениться на Амелии Браун, как было сговорено с ее отцом, если не полюбит и не женится до этого времени.

Поместье Блэкстоун и годовую ренту в десять тысяч золотых монет я завещаю своему племяннику Джеймсу.

В случае смерти моего единственного наследника Генриха Блэквуда все состояние переходит к его кузену Джеймсу Блэквуду".

Генрих сидел, опустив голову, поэтому не мог видеть злорадно вспыхнувших глаз кузена, иначе он задумался бы над последними словами завещания, за которые мог поплатиться жизнью.

Кристи молча бродила невдалеке от беседки, она не решалась войти в дом, где, как ей казалось, витает дух хозяина поместья. Она знала, что приехавший мужчина сообщает всем последнюю волю покойного. Тяжело было встретиться с Генрихом, а Амелию вообще видеть не хотелось.

— Так и думала, что застаю тебя шатающейся без дела. Что-то Генрих совсем распустил своих служанок. Но ничего, в скором времени я все возьму в свои руки.

— Значит ли это, что в ближайшее время вы выйдете замуж за Генриха?

— Естественно! Ах, да! Ты же не знаешь, что сказано в завещании.

— Думаю, как служанке, мне это знать не положено, — и она, не скрывая своего отношения, прямо посмотрела в глаза разволновавшейся Амелии.

— Генрих неуправляем. По завещанию, он лишится наследства, если не женится на мне в ближайшее время. Конечно, он может быть настолько безрассудным, что поначалу решит, будто ты ему дороже всего. Но ведь ты понимаешь, что когда он одумается, я имею в виду, охладит к тебе, то будет сильно страдать, потому что уже никогда не сможет владеть этим замком. А Генрих очень любит его, он не сможет жить без всего того, что сейчас его окружает. Ты обязана исчезнуть из его жизни. Если любишь его, а я думаю, так оно и есть, подумай, в первую очередь, о нем. Если он лишится наследства, то все достанется Джеймсу. Генрих не переживет этого. Так что будет лучше, если ты оставишь его.

— Хорошо! — твердым голосом согласилась Кристи, поражаясь своей храбрости (ведь ей придется навсегда потерять любимого), — но он не позволит мне уйти, я его собственность. Вы должны мне помочь. Надо тайком выехать отсюда, а когда я буду за пределами поместья, то скроюсь так, что он меня не найдет. Доставьте меня в одну деревню, я назову ее, когда вырвусь отсюда. Меня больше ничего здесь не держит, я готова. Идите и прикажите подавать лошадей.

Амелию поразило, с каким гордым видом эта рыжая служанка разговаривала с ней. Она держалась так, что любая знатная дама могла бы позавидовать: ни слез, ни мольбы, ни причитаний, а ведь ее ждало неизвестное будущее. Леди Браун, не оглядываясь, поспешила в замок. Наскоро простившись с гостями и Генрихом, она, довольная, что выиграла поединок, села в повозку и приказала гнать быстрее. Кристи к тому времени уже сидела в повозке, проскользнув туда так, что даже кучер не заметил.

— Я не буду спрашивать тебя, что ты собираешься делать в этой деревне, но должна быть уверена, что наши пути больше не пересекутся.

— Мне тоже этого хочется. Вам не терпится от меня избавиться, но придется немного подождать. И давайте больше не будем продолжать этот разговор.

Всю оставшуюся дорогу они проехали в молчании, пока не достигли нужной деревни. Кристи попросила остановиться, не заезжая в нее, чтобы кто-нибудь не стал свидетелем того, как крестьяне узнают в девушке свою пропавшую госпожу. Амелия не возражала: ей тоже не хотелось быть узнанной на тот случай, если Генрих станет дознаваться, кто помог бежать его служанке.

Кристи неторопливо приближалась к дому управляющего, хотя ей очень хотелось, чтобы ее поскорее доставили к отцу.

— Матерь Божья! Леди Кристи! Вы ли это?! Глазам не верю, вот радость-то! Где вы пропадали все это время? Мы уж и не надеялись увидеть вас живой! — причитая, тараторил управляющий.

— Долгая история. А теперь быстро доставь меня в замок! Я очень устала.

— Слушаюсь. Сию минуту будет исполнено! — радостно отозвался он

Кристи входила под сень родного дома. Молва невероятным образом успела обогнать ее, и все слуги высыпали навстречу. Совсем седой отец был не в силах поверить своим глазам.

— Папочка! Милый, дорогой папочка! Как я по тебе соскучилась! — она с рыданием устремилась в распахнутые объятия.

— Живая! Девочка моя, живая! Я счастлив, что Богу было угодно вернуть тебя мне! — слезы бежали по его состарившимся щекам, — что приключилось с тобой, любимая?

— Я не хочу об этом вспоминать, — упрямо мотнув головой, произнесла она.

— Значит, так тому и быть! Главное, что ты снова дома, и я могу прижать тебя к своей груди. Остальное не важно.

— Папа, Рауль еще не вернулся?

Только что светившиеся радостью глаза затянулись дымкой печали и тревоги.

— Нет, девочка моя. И мы не знаем, где он и что с ним. Поговаривают, что король должен вот-вот возвратиться, может, и наш Рауль вернется с его отрядом. Будем ждать и надеяться, это все, что нам остается. Ты же вернулась, значит, не все потеряно.

— Госпожа, что это на вас надето? — с испугом уставилась на Кристи Сьюзен.

— Ты права, надо переодеться. Приготовь мне ванну и другое платье! В этом наряде я не желаю оставаться больше ни минуты! — и, ласково поглядев на отца, побежала в свою комнату.

После ванны и обильного ужина, которым ее потчевали (повара и слуги, обрадованные ее возвращением, изо всех сил старались угодить), Кристи растянулась на белоснежных благоухающих простынях. Спальня светилась чистотой, словно хозяйка никогда и не покидала ее. Ох, какое блаженство понежиться на мягкой кровати, ощутить прикосновение тончайшего шелка ночной рубашки после грубой и жесткой материи. Как же ей всего этого не хватало! Наконец-то она снова дома! Но Кристи признавалась себе, что если бы представилась возможность променять все это на одну ночь в объятиях Генриха, она согласилась бы, не задумываясь.

— Как он там? Как переносит свою потерю? Кто его утешит? — от этих мыслей к горлу подступали рыдания. У нее разболелась голова. Сжав руками виски, девушка попыталась заснуть. В дверь настойчиво кто-то скребся. Не выдержав, она встала, подошла к двери и чуть приоткрыла. В комнату с громким лаем, весело вертя хвостиком, вкатился Молли. Кристи подхватила подпрыгивающего от радости пуделя, который, повизгивая, лизал ее лицо.

— Глупенький! Что ты делаешь? Я уже вся мокрая, — она вытерла лицо рукавом, — хватит, хватит! Давай спать.

Обняв теплый белый комочек, она, наконец, уснула. В снах присутствовал Генрих, смутная тревога поднималась в ее душе: Кристи то находила его, то вновь теряла. Огромные волны подхватили его тело, когда кузен Джеймс нанес смертельный удар мечом ему в спину, а потом сбросил с обрыва в море. Кристи бежала по берегу не в силах помочь, сердце разрывалось от боли, а душа металась, как раненая львица. Проснувшись, девушка долго

ОСМЫСЛИВАЛА СВОЙ СОН.

Рауль открыл глаза и огляделся по сторонам. Как он попал сюда? Кто эта женщина, склонившаяся над ним?

— Где я?

— Вы у меня дома. Мой слуга нашел вас на дороге. Вы истекали кровью.

— А что я там делал?

— Вы уже неделю не приходите в сознание. Мы даже не знаем, как вас зовут.

— Вот дела... Похоже, я и сам не знаю, кто я.

— Меня зовут Сара. Вы на Сицилии, в моем доме. Можете чувствовать себя совершенно спокойно. Здесь вам ничто не угрожает, — прекрасная сицилианка откинула за спину свои иссиня-черные волосы.

Рауль невольно залюбовался ею, сердце учащенно забилось. Какая разница, кто он такой, главное, что остался мужчиной, раз способен реагировать на красивую женщину. Он в нерешительности протянул к ней руку, но только пошевелился, как острая боль в голове, чуть снова не лишила его сознания, на лбу выступили капельки пота.

— Вам рано двигаться, лежите спокойно.

— Легко сказать. Я потерял память, но, к счастью, не утратил чувств, и при виде вас мне хочется петь, прижимать вас к груди, целовать.

— Похоже, вы быстро поправитесь, раз у вас появились такие желания, — ласково улыбнувшись, хозяйка поправила больному подушку и прикрыла могучее тело простыней. Сара с трудом проглотила подступивший к горлу комок. Нелегко было ухаживать за этим красивым белокурым гигантом: ведь ей приходилось обтирать его влажной губкой, гладить руками это обнаженное тело, такое мужественное и привлекательное. Что происходит? Она начинала трепетать от одного только прикосновения к нему, а ведь была не девочкой и хорошо осведомлена об интимной стороне жизни. Правда, всего год она была замужем, а теперь вдова: три месяца назад муж ушел в море на торговом судне и не вернулся. Как рассказал капитан второго корабля, идущего следом, на палубе вспыхнул пожар, и объятые пламенем судно пошло ко дну. Сара не любила мужа, отец отдал ее в жены своему кредитору, за что тот простил ему долг. Она знала, что очень красива, поэтому-то ее и взял муж без богатства и приданого. Зато теперь, оставшись вдовой, Сара сделалась богатой и независимой женщиной. Она владела большим красивым домом, виноградниками и несколькими кораблями.

Уже месяц, как Рауль совершенно поправился, но память так и не вернулась к нему. Сара была этому рада, но вида не показывала. Она знала, что он из армии короля Ричарда, на это указывала одежда, в которой его нашли. Сара приказала слугам сжечь ее и никогда не вспоминать при нем ни об англичанах, ни о французах, которые всю зиму находились на Сицилии. Она с нетерпением ожидала их отплытия, чтобы вздохнуть свободно: ей очень не хотелось, чтобы этот красивый мужчина покинул ее дом.

Рауль тщетно пытался собрать обрывки мыслей, но ему никак не удавалось. Какие-то картины всплывали в мозгу, но ни имен, ни названий он не помнил. Поначалу ему снилась огненно-рыжая зеленоглазая девушка, она протягивала к нему руки и звала, звала, выкрикивая его имя, которое он никак не мог разобрать. Девушка была очень красива, и он

понимал, что знает ее, ибо она была ему очень дорога. Просыпаясь, не мог сообразить, как объяснить этот сон. Саре он ничего не рассказывал, боясь обидеть ее. Да, эту зеленоглазую красавицу из сна он любил, но кто она такая вспомнить не получалась.

Сара стояла в беседке, которую со всех сторон увивал виноград, создавая внутри приятную прохладу. Глаза ее были закрыты длинными вздрагивающими ресницами, а на губах играла таинственная чарующая улыбка. Руль видел, как переливаются ее распущенные черные волосы, искрясь от солнечных лучиков, попадающих на них сквозь виноградные листья. Волосы, словно накидка, укрывали ее чуть смуглое гибкое тело. Он шагнул в беседку и заключил Сару в объятия. Она не шевельнулась. Целуя пахнущие лавандой волосы, Рауль быстро терял над собой контроль. Руки его исследовали каждый изгиб ее тела, нежно поглаживая напряженную грудь с затвердевшим соском. Сара прерывисто дышала: она так давно ждала этих рук, наконец-то она могла обнять это мускулистое тело, овить руками шею.

— Я хочу видеть тебя всю, прекрасная Сара, позволь мне, — он умоляюще заглянул ей в глаза. Улыбнувшись, она спустила с плеч легко соскользнувшее платье и предстала во всем великолепии своей наготы. Дрожащими руками она помогла и ему освободиться от одежды. Прижавшись к ней, Рауль осыпал ее горячими требовательными поцелуями. Его возбужденное естество откровенно требовало освобождения. Чуть раздвинув коленом ей ноги, он приподнял ее на руках и опустил на себя. Выгнувшись от нахлынувшего восторга, Сара вскрикнула и задохнулась от поцелуя, щедро подаренного ей в награду за испытанное наслаждение. Влажные от пота и сладкой усталости, они вышли из беседки. Рауль прижимал к себе взволнованную женщину. Она все еще не успокоилась и смотрела на него лучистыми миндалевидными глазами, в которых светилась страсть.

— Если ты уедешь, я буду сильно скучать по тебе.

— Уеду? Но куда? Я ведь даже не знаю, кто я, а где живу — это вообще для меня загадка.

— Сегодня вечером в дом придет один человек, он разыскивает господина, по описанию очень похожего на тебя. Я пригласила его, хотя мне очень нелегко было решиться на это. Сказать честно, для меня лучше, если ты останешься со мной.

— Я знаю, Сара, но мне просто необходимо найти себя. Меня одолевают странные сны, и я должен понять, что они означают.

— Конечно, мой господин, я переживу это.

— Даю тебе слово, что постараюсь вернуться к тебе при первой же возможности. Ты веришь мне? — он пылливо посмотрел ей в глаза.

Гейвин стоял на пороге большого красивого дома. Господи, хоть бы на этот раз повезло! Несколько месяцев он искал друга и молочного брата своего хозяина. Раненый Генрих, уезжая домой, просил присматривать за графом Раулем. Но как можно удержать столь подвижного молодого человека, который любит женщин, а иногда и выпить кружку-другую. Здесь, на Сицилии, только этим и занимались, в ожидании возвращения на родину. Драки между французами и англичанами вспыхивали почти ежедневно. Оба короля, стараясь предотвратить их, строго запрещали какие-либо стычки. Рауль ушел из таверны с какой-то местной девушкой, больше Гейвин его не видел. Каждый день он приходил к таверне в надежде отыскать ее, и только через месяц ему повезло. Испуганная женщина рассказала, что как только они с господином британцем отошли от таверны на достаточное расстояние, на них напали четверо мужчин, видно, с намерением ограбить. Господин отчаянно бился с

ними, но один из нападавших ударил его камнем по голове. Удар был очень сильным, так как британец упал, потеряв сознание. Грабители продолжали наносить удар за ударом, а потом забрали кошелек с деньгами и убежали. Как утверждала женщина, господин остался лежать неподвижно, но еще дышал. Она так испугалась, что бросилась бежать, а потом месяц боялась появляться на улице.

Гейвин расспрашивал всех о Рауле, пока не повстречал слугу, который, якобы, этого господина привез в дом своей хозяйки. Гейвин увиделся с ней и подробно описал предмет своих поисков. Красивая женщина вначале молчала, но чувствовалось: она не хотела признать, что привезенный к ней раненый и есть тот, кого он разыскивает. Потом, решительно поднявшись, сказала, что тот мужчина потерял память от сильного удара по голове и ничего о себе не знает, и позволила прийти вечером к ней в дом.

Рауль сидел за столом, внимательно слушая рассказ Гейвина о его длительных и настойчивых поисках.

— Скажи, Гейвин, какую роль в моей жизни играет рыжеволосая девушка с глазами цвета морской волны? Ты знаешь, кто она?

— О, Боже! Господин граф! Это же ваша сестра, вы часто мне о ней рассказывали! Так вы вспомнили ее? — с радостью произнес Гейвин.

— Кристи! Господи! Конечно же, Кристи, мой рыжекудрый маленький бесенок! Я вспомнил, Сара, дорогая! Я — граф Рауль Мак-Ковен, подданный короля Ричарда.

— Значит, судьба, Рауль. Достойное красивое имя, и очень подходит тебе, — Сара печально посмотрела в его сторону.

— Скажи, Гейвин, а где его Величество Король?

— Он отбыл на родину. Думаю, и нам пора собираться. Отец и сестра, должно быть, заждались вас. Да и я соскучился по матери и Генриху.

— Тогда вперед, мой дорогой ангел-хранитель! Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал!

Рауль подошел к поникшей Саре и встал на колени:

— Моя благодарность к тебе безгранична, ведь ты спасла мне жизнь. Выше голову, дорогая, мы еще встретимся!

— Буду ждать, сколько смогу, — ответила она и отвернулась, вытирая непрошеные слезы, ибо понимала, что в последний раз видит человека, который так дорог ее душе, хотя слова любви не были произнесены.

Рауль и Гейвин едва успели на последний корабль, увозивший французов с острова на материк. Скоро они будут дома. Рауль рвался душой вперед, к родным берегам. Ему не терпелось обнять сестру и отца. Как же сладка жизнь, когда знаешь, кто ты и что собой представляешь! Нет, тьма незнания, пусть даже в объятиях прекрасной Сары, не для него!

Молодой хозяин бродил по притихшему замку. Слуги, как привидения, мелькали мимо, не производя никакого шума. Все разъехались, чтобы дать возможность сыну без помех оплакать отца. Генрих ходил из комнаты в комнату в надежде найти Кристи. Ее нигде не было видно. Теряясь в догадках, он спросил о ней проскользнувшую мимо служанку.

— Где Кристи? Черт побери, куда она делась?!

— Не знаю, господин граф, ее никто не видел с тех пор, как господин поверенный оглашал завещание, — испуганно пробормотала она, решив побыстрее убраться от разъяренного хозяина.

Генрих вышел из дома и направился к пруду, где Кристи имела привычку прятаться,

когда обижалась на него. Но и там ее не было видно. Прошло два дня, а девушка так и не появлялась. Генрих терялся в догадках: ее украли, или она сбежала сама? Но почему? Чем он обидел ее на этот раз? Он объехал все ближайšie к замку деревни, но никто не встречал юную рыжеволосую девушку с зелеными глазами. Он разослал по дорогам своих людей, но они вернулись ни с чем: такой девушки нигде не видели.

Какое же сердце может выдержать две такие потери?! Генрих был безутешен. Приказал никого не принимать и отвечать всем, что его нет дома.

— Кристи! Кристи! Где ты, моя зеленоглазая колдунья? Почему бросила меня, когда ты так необходима мне в горе? Никто не смог бы понять и утешить меня лучше, чем ты. Почему я не сказал, как люблю тебя, как ты нужна мне?!

Уже дважды приезжали гонцы с приглашениями на праздник, который устраивал король в честь окончания войны. Дважды Генрих отказывался принять их, ссылаясь на недомогание. Но когда король решительно потребовал его присутствия, понял, что третий отказ означает нанесение обиды его Величеству, а это может грозить большими неприятностями. Горько вздохнув, он стал собираться в дорогу, надеясь немного развеяться от мрачных мыслей, которые, словно червь, грызли изнутри, не давая забыться ни на минуту.

Сидя перед зеркалом, Кристи рассматривала свое побледневшее отражение. Сюзен поправляла последние пряди в ее прическе, которая являла собой чудо, созданное волшебными руками служанки, и придавала лицу загадочное выражение. Сегодня Кристи впервые собиралась на бал: Каспер побоялся отказать королю, когда тот потребовал, наконец, представить ему дочь. Кристи видела, как нервничал отец. Никогда ей не приходилось наблюдать, как он что-то делает против своей воли, не считая уступок ей (но она его дочь, здесь все понятно). Наверное, нервы у старика сдали, ведь от Рауля по-прежнему не было никаких вестей.

Девушка надела зеленое бархатное платье, облегающее талию; нарядный воротник подчеркивал красивую грудь; пышная юбка мягкими складками укрывала ее высокие стройные ноги; шлейф от платья струился за ней следом. Отец, увидев ее внизу, на минуту замер, а потом преподнес ларец с ожерельем и изумрудными серьгами, принадлежавшими ее матери.

— Они подходят к твоим глазам, детка. Твоя мама очень любила эти камни. Носи их и вспоминай ее.

— Спасибо, папочка! — с подкатившим к горлу комком прошептала пораженная Кристи.

— Если ты готова, мы можем ехать, — отец накинул на вздрагивающие плечи дочери подбитую мехом бархатную накидку.

Зал поразили Кристи своими размерами и обилием света. Такое величие она видела впервые. Роскошно одетые пары беседовали или прогуливались в ожидании появления короля. Женщины, сверкающие драгоценностями, кокетничали и перемигивались с кавалерами. Народа было столько, что Кристи в испуге сильнее прижалась к руке отца, чтобы ненароком не потеряться. Интересно, как воспримет ее король? Кристи вспомнила рассказы Генриха об интригах, которые плелись под сводами дворца. Каждый пытался подставить ножку другому, чтобы быть поближе к королю. Но Кристи это не интересовало, ей вовсе не хотелось часами угождать какой-нибудь коронованной особе. Уж лучше всю жизнь провести в своем замке подальше от всего этого. Придворная жизнь не интересовала такую свободолюбивую девушку. Она предпочитала леса, лужайки с полевыми цветами и утреннюю прохладу с пением птиц.

Задумавшись, Кристи вздрогнула, когда отец попытался привлечь ее внимание. Все расступились, образовав широкий проход, по которому из открытых дверей шествовал король. Он был величав, хотя и не очень высокого роста. Мужчины замерли в глубоком поклоне, дамы присели в реверансах. Склонив голову, Кристи также опустила в реверансе.

— О, Генрих, очень рад видеть тебя снова. Слышал о твоём горе, прими соболезнования.

Генрих, приветствуя короля, встал на одно колено и опустил голову.

— Встань, друг мой, — снисходительно обратился к нему король, — вижу, ты оправился от раны, но еще не женился. Где леди Амелия?

— Ее со мной нет, Ваше Величество. Думаю, что в ближайшее время и не женюсь. Холостяцкая жизнь мне по душе больше, чем голосистая жена, вечно всем не довольная.

— Я и не знал, что ты женоненавистник. Вот почему твой отец решил, что в тридцать лет тебе просто необходимо жениться.

— Вы хорошо осведомлены, Ваше Величество.

— Я обязан знать все, что касается моих подданных. Надеюсь, ты переменишь свое решение, Амелия и так слишком заждалась. Да и другие незамужние дамы перестанут, наконец, вздыхать по тебе, — и, похлопав по плечу Генриха, проследовал дальше.

Король остановился напротив притихшей Кристи.

— Это и есть ваша дочь, граф Мак-Ковен? Вам нет прощения! Вы так долго скрывали от нас такое сокровище. Она сама прелесть!

— Благодарю вас, Ваше Величество, — Кристи опустила глаза, чтобы не видеть пристального взгляда короля.

— Слышал, что вы не замужем. Я найду для вас подходящую партию.

— Не стоит затрудняться, Ваше Величество. У отца есть на примете молодой человек, но пока он держит это в секрете. Не будем лишать его этой радости, — и она с нежностью посмотрела на отца.

Каспер Мак-Ковен растерялся: о каком молодом человеке говорит его дочь? Но промолчал: уж лучше пусть король считает, что так и есть, чем навяжет в мужья Кристи ненавистного ей человека. Он желал ей только счастья и хотел, чтобы его дочь вышла замуж по любви.

— Жаль-жаль! У меня есть кое-кто на примете. Все же подумайте.

Король уже строил планы, как женит Джеймса Блэквуда, преданного ему молодого повесу без состояния, а потом пошлет его во Францию со шпионской миссией. Соломенную же вдовушку сделает своей любовницей. Проигравший в карты не будет упорствовать: когда угрожает долговая яма, женится хоть на дьяволе (а эта графская дочь очень хороша собой) и выполнит любую волю короля.

Из своего угла, где он скрывался от слишком назойливых поклонниц, Генрих наблюдал за рыжей головкой, прильнувшей к плечу высокого седовласого человека. Он заметил ее еще во время приветствия короля. Сердце его забилося.

— Да это же граф Мак-Ковен с дочерью. Совсем забыл о ней. А почему не видно Рауля? Он что, не вернулся? Нужно подойти к ним и узнать все о друге, — и он стал потихоньку приближаться к интересующей его паре.

Очаровательная рыжеволосая красавица привлекла к себе слишком большое внимание мужской половины, присутствовавшей в зале. Каждый хотел засвидетельствовать свое почтение или пригласить на танец. Кристи не могла запомнить всех лиц и, тем более, имен и титулов.

— Приветствую вас, граф!

Кристи чуть не потеряла сознание от раздавшегося рядом голоса. Как же она не подумала о том, что может встретиться с ним на одном из королевских праздников, куда теперь обязана будет выезжать.

— Генрих, дорогой! Рад тебя видеть! — с искренней улыбкой заговорил ее отец, — слышал о постигшем тебя горе. Прости, что не смог присутствовать на погребении.

— Все уже позади. А где Рауль? Я не вижу его здесь.

— Его до сих пор нет, Генрих, и мы не знаем, что с ним стало. Король тоже не мог нам ответить. Мы только ждем и надеемся. Познакомься, это моя дочь Кристи.

Кристи пришлось повернуться и встретиться взглядом с холодными синими глазами.

— Мы знакомы, папа. Помнишь, граф Блэквуд приезжал к нам на охоту?

— Я не знал... — удивленно произнес граф с изумлением рассматривая молодых людей, которые, ошетинившись, смотрели друг на друга.

Генрих чуть не зарычал, когда в повернувшейся девушке узнал свою служанку: "Ничего не понимаю, что, черт возьми, все это значит? Как могла она оказаться в руках торговцев слугами? Почему не сказала, кто она такая, ведь ее сразу же отвезли бы к отцу в замок?" — мысли скакали. Наконец-то все рыжие, так волновавшие его, собрались в единый образ: рыжеволосый дьяволенок, напугавший его на турнире; служанка, в которую он влюбился без памяти; и эта неприступная гордая девушка — все это только его Кристи!

— Неужели? Я, очевидно, забыл, что встречал вас раньше, простите меня за это. Вы были лишком малы тогда, я и не предполагал, что встречу взрослую женщину.

Кристи едва не задохнулась от гнева: "Ах, вот как? Значит, он не собирается меня узнавать, но глаза слишком прямолинейно доказывают обратное. Он чертовски зол. Конечно, одно дело развлекаться со служанкой, и совсем другое с графской дочерью. Посмотрим, что будет дальше".

Один из молодых людей, которому был обещан танец, увел ее от разъяренного Генриха. Конечно, со стороны никто не заметил, как он зол, лишь Кристи знала его состояние и была рада сбежать подальше от бушующего урагана его страсти, готового в любую минуту разразиться скандалом. Она видела, как Генрих распрощался с графом и, не оглядываясь,

удалился из зала.

Король покинул праздник в самом разгаре и прошествовал в маленький кабинет, где ожидал вызванного туда Джеймса Блэквуда. Джеймс тихонько приоткрыл дверь и вошел. Король Ричард сидел за массивным столом, на котором горели две свечи, мягко озаряя помещение, при этом лицо короля находилось в тени. Тяжелые шторы полностью закрывали окно за его спиной. На полках поблескивала драгоценная посуда. Джеймс несмело приблизился и кашлянул, давая знать о своем присутствии. Король не шевелился.

— А, ты уже здесь, друг мой, — усталым голосом произнес он, наконец-то обратив взор на вошедшего.

Припав на одно колено, Джеймс опустил голову и терпеливо ожидал.

— Я позвал тебя для того, чтобы кое о чем попросить.

— Всегда к вашим услугам, Ваше Величество.

— Знаю-знаю. Тебе необходимо понравиться одной молодой особе и в скором времени жениться на ней. Как ты это сделаешь, твое дело, меня интересует только результат.

— Но, Ваше Величество! Вы же знаете... В общем, я не питаю чувств к женщинам...

— Это уже приказ! — повысил голос король. — Тебе после женитьбы вовсе не обязательно спать со своей женой. Для этого есть, если хочешь, молоденькие слуги. Богатое приданое невесты тебе ведь не помешает? Я осведомлен о твоих трудностях, — в его колючих глазах сверкнули искры гнева, хотя голос был спокоен и сладок. — Позже поговорим о деле: тебе придется инкогнито поехать во Францию. Но это после того, как ты приберешь к рукам очаровательную дочь графа Мак-Ковена.

— Слушаюсь, Ваше Величество! — и, поднявшись с колена, попятился из кабинета.

— Да, в роду Блэквудов, этот оказался не подарком, — грустно вздохнул король, — но ничего, пусть только сделает свое дело. Из таких как он получаются неплохие шпионы, ради денег он и родную мать продаст, не то что короля Филиппа, — и, произнеся вслух собственные мысли, невольно осмотрелся по сторонам.

Джеймс в немом изумлении переваривал свалившееся на него задание.

— К черту всех женщин! Меня тошнит от одного их присутствия! — но против короля он все равно бессилён. Догадка осенила его:

— Очевидно, эта девушка приглянулась самому Ричарду, и он хочет сделать ее своей очередной фавориткой. Да, так и есть! А если знать, что Джеймс не любит женщин, то вариант с женитьбой самый подходящий.

Поразмыслив, он пришел к выводу, что и сам неплохо выгадает от всего этого: возможно, через жену ему удастся быть поближе к королю, и с ним будут больше считаться. А приданое придется как нельзя кстати. Вот только во Францию ему ехать не хотелось, слишком опасно.

— Ничего, что-нибудь придумаю! — и Джеймс отправился на поиски своей будущей невесты.

Кристи уже ничего не интересовало на балу. Все поблекло, превратилось в шумное сборище, где каждый был невыносимо скучен, как тоска в ее ноющем сердце. Генрих ушел. Значит ли это, что он просто не хочет ее видеть или выбросил из памяти, словно ненужную вещь. А на что она могла надеяться? Ведь в завещании все сказано: он обязан жениться только на Амелии. Смотреть на улыбающиеся лица у нее не было больше сил.

— Отец, я устала. Пойду в свою комнату, — и, прежде чем он успел ее остановить, убежала.

Уже минут пятнадцать Кристи блуждала по полутемным коридорам королевского замка, пытаясь отыскать свою комнату. В пустых помещениях не было ни одной души, чтобы спросить, где она находится. Девушка совсем растерялась, когда ей навстречу вышел мужчина.

— О, простите, не знаю вашего имени, но не могли бы вы проводить меня, а то боюсь, мне придется провести ночь там, где стою.

— Я виконт Броук, к вашим услугам, милая девушка, — он подал ей руку и повел по извилистым коридорам. Кристи ничего не успела сообразить, когда галантный кавалер втолкнул ее в какую-то комнату, вовсе ей не принадлежащую, она оказалась прижатой к стене, а жадные губы уже искали ее рот.

— Вот проклятье! Опять вляпалась в историю из-за своей глупости.

Ей вдруг вспомнились слова, сказанные отцом, когда они подъезжали ко дворцу: "Плохо, что тебя не сопровождает муж или брат, которые смогли бы защитить тебя от грубых посягательств негодяев. Иногда приходится обнажить шпагу или даже отдать жизнь в защиту женской чести". Теперь она поняла истинный смысл этих слов, хотя раньше не придавала им значения.

Окрыленный тем, что девушка от испуга не сопротивляется, виконт стал подталкивать ее к кровати.

— Ну, уж нет! — вскричала пришедшая в себя Кристи и яростно оттолкнула от себя мужчину. Не ожидавший такого отпора от хрупкого создания виконт опрокинулся на пол, но быстро вскочил и, шипя от злости, ударил ее наотмашь по щеке.

— Ты еще вздумала драться, шлюха дворцовая! Я тебе покажу, как поступают с такими, как ты.

Кристи царапалась и кусалась, как дикая кошка, но бой был слишком не равным. Виконту удалось схватить ее за руки и резко повернуть их за спину. Повалив ее на кровать, он пытался поцелуями заглушить крики о помощи, которые рвались наружу. Полузадушенная навалившимся на нее телом Кристи продолжала сопротивляться, но силы таяли с каждой минутой.

Генриху не хотелось возвращаться в зал, где улыбающаяся Кристи кружилась в танце с каким-то молокососом. Ему надоело улыбаться дамам, подмигивающим и бросающим недвусмысленные взгляды в надежде заманить его в спальню. Подышав немного свежим воздухом, он направился в свою комнату, но в нерешительности остановился, когда услышал возню. Он даже посмотрел на герб над дверью, желая удостовериться, что он не ошибся, и это его апартаменты. Когда же изнутри раздался сдавленный крик, зовущий на помощь, он решительно распахнул дверь и в два прыжка оказался возле барахтающейся пары. Схватив за шиворот напавшего на женщину, Генрих приподнял его над полом и, протаскивая волоком, выкинул за дверь, не глядя, поднимется тот или нет. Потом повернулся, чтобы помочь женщине, и остолбенел: взлохмаченная и испуганная, перед ним сидела его рыжеволосая мечта.

— Так, теперь объясни, что, черт возьми, ты делаешь здесь, в моей комнате, да еще и с мужиком на себе?! — сжимая от ярости кулаки, прорычал Генрих.

— Откуда мне было знать, что это твоя комната, когда меня, ни о чем не спрашивая, впихнули сюда.

— Прекрасно! Значит ли это, что ты решила испробовать прелести королевских кроватей? Я правильно понял?

— Пошел ты к черту, Генрих! После всего, что пришлось пережить, мне не до битвы с тобой. Отведи меня в мою комнату.

— Нет! — твердо произнес он, — пока не узнаю правду, что ты здесь делала.

— Ну, хорошо: я пошла в свою комнату, так как очень устала и хотела спать, но заблудилась. Этот виконт любезно предложил проводить меня. Уж не считаешь ли ты, что мне надо было ночевать в коридоре? — рассерженно топнув ножкой, Кристи уставилась на него, — а потом этот негодяй потащил меня сюда. Остальное ты видел.

— Значит, мне опять пришлось спасти тебя? Забавно, ты не находишь? Мы всегда встречаемся, когда ты попадаешь в какую-нибудь историю. Почему ты пошла одна? Где твой отец? Ведь он должен был предупредить тебя, что только те женщины, которые хотят быть изнасилованными, слоняются по коридорам в одиночестве, рассчитывая найти теплую постель на ночь. Ведь не всем везет: менее знатным не предоставляют комнаты для ночлега.

— Я не знала этого. Отец, действительно, предупреждал меня, но не так откровенно, как ты, а намеками. Я просто не придавала этому значения.

— И, как всегда, поступила по-своему, — закончил за нее Генрих, — Боже мой! А если бы он затащил тебя не в мою комнату, или я пришел бы позже, ты представляешь, что было бы с тобой? Я убил бы его на месте! — и, побледнев, он сел на кровать, пытаясь сдержать охватившую его тревогу.

— Он ничего мне не сделал. Единственный, кто меня изнасиловал, это ты! — она, пылая гневом, оставила на него.

— Неужели? — приподняв голову, удивился Генрих, — что-то не припомню, чтобы брал вас силой, милая леди. Со своей служанкой, кажется, да, я был не очень сдержан, но она была моей собственностью, я имел все права на нее. Вы же не станете отрицать, что слуги должны подчиняться своим хозяевам? Да и, по-моему, ей тоже этого хотелось, иначе, зачем было так крепко обнимать меня, не давая даже раздеться, — он, посмеиваясь, наблюдал, как заливается краской Кристи. Она прикусила язычок: опять правда на его стороне. Ведь он не знал, кто она, а ей было за счастье находиться рядом с ним.

— А еще мне очень интересно знать, что ты делала в той компании, которая притащила тебя на аркане в мой замок, а потом продала, словно какое-нибудь животное. Почему ты не назвала своего настоящего имени?

Кристи упорно молчала. Нет, никогда она не признается, что любит его и только ради него смолчала, хотя в первую минуту готова была все о себе рассказать доброму графу.

— Опять же напрашивается ответ, — не дождавись, когда она заговорит, продолжил Генрих, — наша теперь такая неприступная и холодная леди увидела меня. И решила промолчать, ибо, как я догадываюсь, с детства по уши влюблена в загадочного черного рыцаря, дважды спасшего ей жизнь. Она захотела поиграть в служанку и отдаться хозяину, а когда решила, что с нее хватит, попросту удрала. Ты, что же, рассчитывала, что мы больше никогда не встретимся? А как ты собиралась объяснить своему будущему супругу потерю невинности? Тоже сочинила бы сказку, что тебя изнасиловали, или приберегла что-нибудь еще в том же роде?

Его жестокие слова хлестали, словно пощечины. Она была не в силах больше все это выслушивать.

— Все сказал? А теперь будь добр, если ты такой хороший, отведи меня к отцу.

— Не думаю, что это возможно. Раз уж мне так повезло, и в моей комнате помимо моей воли (ведь ты не будешь это отрицать?) оказалась женщина... Я не настолько глуп, чтобы

выпустить ее, не насладившись тем, что само пришло мне в руки. Тем более, что тебя все равно использовали бы в своих целях. Значит, мне достанется то, что не досталось ему.

Кристи, когда до нее, наконец, дошло то, о чем говорил Генрих, в ужасе отпрыгнула и выставила вперед руки. Он хочет использовать ее, как какую-нибудь продажную девку! Этого она вынести не могла и взмолилась:

— Генрих! Ведь не сделаешь того, что намерен? Теперь ты знаешь, кто я, зачем же меня обижать? Право, я не сделала тебе ничего плохого!

— Ты уверена? А ты подумала обо мне, когда сбежала? Ты пощадила меня, когда я, как раненый зверь, метался по замку и сходил с ума, не зная, где ты и что с тобой случилось? Ты думала обо мне, когда играла со мной в свои игры, отдаваясь, как последняя шлюха? Нет, ты только радовалась тому, что провела меня, как последнего простака. Так почему сейчас я должен понять и пожалеть тебя? Я возьму только то, чего ты лишила меня в последнее время, — и грозно стал приближаться к Кристи, которая почти вжалась в стену от унижения и, если бы не опора, свалилась бы на пол.

Генрих знал, что причиняет ей боль. Нет, не так хотелось бы ему встретиться с ней. Он хотел признаться ей в любви и просить ее руки у отца. Ничего в жизни он не желал так сильно, как назвать Кристи своей женой. Ведь теперь без борьбы со всем миром, он свободно мог жениться на той, которая так волновала его сердце. Даже король не может заставить его жениться на опостылевшей Амелии. А получается все не так, как надо. Но что он мог с собой поделать, когда так истосковался по ее телу, так долго его губы не ощущали аромат ее поцелуя, а его вздыбившийся зверь требовал удовлетворения ее плотью? Генриху не составило большого труда прижать ее к себе, хотя Кристи пыталась сопротивляться.

— Ну, мой рыжий котенок, к чему столько усилий? — шептал он ей на ухо, — зачем так отбиваться? Ведь я ничего тебе не сделаю, только доставлю наслаждение. Убери свои коготки и перестань царапаться, ты же знаешь: только я смогу заставить тебя мурлыкать от ласк. Вот так, девочка моя, спокойней, расслабься. Все будет хорошо. А потом я отвезу тебя к отцу.

От его прикосновений и нежного шепота у Кристи закружилась голова, она уже и не думала противиться. Ей захотелось снова обнять его, прижаться к его телу, забыть все волнения сегодняшнего вечера. Кристи успокоилась и положила голову ему на грудь, когда он поднял ее и понес на кровать, на ходу пытаясь развязать тугий корсет. Наконец, это удалось, и он вместе с юбкой полетел на пол. Оставшаяся в одной рубашке и туфлях Кристи лихорадочно помогала Генриху освободиться от одежды. Когда последние преграды были сметены, и ее руки коснулись завитков на его груди, она задохнулась от наслаждения, впитывая в себя аромат его кожи. Генрих лег на спину, подхватил недоумевающую Кристи за талию и посадил на себя. Она слегка занервничала от непривычного положения.

— Так я не сильно буду давить на тебя, думаю, тебе понравится, — и, притянув ее за бедра, вошел во влажную плоть.

Всадница вскрикнула от наслаждения и, выгнувшись, подалась вперед, подставляя для ласки возбужденную грудь. Генрих, одной рукой поддерживая упругие ягодицы, другой ласкал набухшие соски, обводя пальцем поочередно каждый. Кристи быстро уловила ритм движений и стала помогать ему, а когда его палец оставил грудь и опустился на трепещущую плоть, проскользнув внутрь, взорвалась, почувствовав на ногах теплую влагу. В изнеможении она опустилась на него, а Генрих, покрывая поцелуями ее горячие губы, сам стонал от бурного освобождения. Кристи почувствовала его подрагивание у себя внутри и залилась

слезами наслаждения. Он тихонько снял ее с себя и уложил рядом, крепко обнимая.

— Тебе не понравилось? Почему ты плачешь? — его расстроенный тон застал Кристи врасплох.

— Не знаю почему. Они сами льются, а мне очень хорошо, — и, засмутившись, уткнулась ему в плечо.

— Глупенькая моя, — счастливо вздохнул Генрих, — это слезы радости, значит, я сумел-таки доставить тебе удовольствие. Но как бы хорошо нам не было лежать вместе, пора одеваться, а то твой отец сойдет с ума, разыскивая тебя.

Эти слова самым отрезвляющим образом подействовали на разомлевшую в его объятиях Кристи. Она, подпрыгнув, бросилась надевать платье.

— Ну, дорогая, не так быстро, — посмеиваясь, произнес Генрих, — не то твое нижнее белье так и останется лежать в моей комнате.

Ругнувшись про себя, Кристи сообразила, что второпях, действительно натянула платье прямо на голое тело. Обнаженный Генрих, поднялся с постели и помог зашнуровать ей корсаж.

— Еще немного, рыжая, я буду готов через минуту, — а когда оделся и взглянул на нервно шагающую по комнате Кристи, залился хохотом.

— Что я опять забыла надеть — она в замешательстве оглядывала комнату.

— Да нет, с одеждой все в порядке. Сядь-ка на стул, я поправлю тебе прическу, — и умело, как заправская горничная, стал укладывать на место прядь за прядью растрепавшиеся волосы.

У Кристи защемило под ложечкой и стало пощипывать глаза: очевидно, он слишком часто вот так, наскоро, помогал своим дамам привести себя в порядок. Иначе, как без сноровки он смог так быстро уложить ей волосы, с которыми даже Сьюзен не всегда справлялась?

— Теперь готово! Можно снова показаться на людях, никто и не заметит, что ты только что занималась любовью с мужчиной.

Всю дорогу Кристи обиженно молчала, пока Генрих вел ее к отцу, которому признался, что случайно отыскал ее, заблудившуюся в коридоре.

На следующее утро после приема все гости последовали за королем в Шервудский лес, где обычно проходила охота. Кристи не хотелось ехать, но утром ее известили, что Ричард настаивает на том, чтобы она сопровождала его. Отец ни на минуту не оставлял дочь наедине с королем. Она видела, как отец обеспокоен, но не могла придумать, как выпутаться из ситуации.

— Познакомьтесь, дорогая, это Джеймс Блэквуд, племянник графа Блэквуда, так безвременно покинувшего нас. Думаю, да просто уверен, что этот молодой человек больше других подходит вам в мужья, — и, сделав ударение на последних словах, в упор посмотрел на графа Мак-Ковена, объявив тем самым свое решение, которое они не вправе были оспорить. — Оставляю вас на его попечение, но не надолго. Жду, что, когда начнется охота, вы будете находиться рядом со мной, — и удалился величественной походкой монарха.

— Прошу прощения у вас, граф, и у вас, милая графиня, за столь грубое представление моей персоны. Но у богов и королей свои представления о приличиях, не будем обижаться. Моя вина в том, что мне не удалось вчера вам представиться. Я выполнял ответственное поручение, данное мне его величеством.

— Ваши извинения приняты, — ледяным тоном произнесла Кристи, — а теперь

позвольте нам пройти.

— Не так скоро, не так скоро! Вы же слышали, что сказал король: нам необходимо познакомиться поближе. Уверен, что скандал вам не нужен, поэтому мы сейчас тихо и мирно отойдем в беседку и там поговорим.

Граф Мак-Ковен прекрасно понял и намек короля, и что он будет недоволен, если его послушают, поэтому решил пока ничего не предпринимать, а по возвращении домой постараться быстрее выдать Кристи замуж. Тут уж не до любви: надо спасти дочь от короля и от этого наглого развратника. Так он все и объяснит ей. Она поймет, что отец желает ей только добра. Он хмурым взглядом проводил Джеймса, уведившего Кристи.

— Так ты ее и получишь! Дудки! — ворчал Каспер, злясь на себя, потому что пока ничем не мог ей помочь. Иначе, если его упекут в тюрьму (а Ричард найдет для этого какую-нибудь причину), девочка вообще останется одна. Ах, если бы Рауль был здесь, он, наверняка, вступился бы за сестру. Отец слишком стар и слаб от пережитого горя, чтобы со шпагой в руках защищать дочь.

Выдернув свою руку из цепких пальцев Джеймса, Кристи молча шла рядом. Ирония судьбы: ей хотелось быть женой Генриха, а не его противного кузена. Даже не зная его близко, она уже питала к нему ненависть и отвращение. Уж лучше монастырь, чем замужество с этим негодяем.

— Мне так же, как и вам, не хочется терять свободу, но воля короля — закон для тех, кто любит и уважает его. Поэтому смирите свою гордыню и подчинитесь, а я даю вам слово, что не прикаснусь к вам после свадьбы. Мы заключим сделку: вы мне — богатство, я вам — свободу в любых похождениях. Мне прекрасно известно, где вы провели половину ночи и в чьих объятиях, — Кристи вздрогнула, — думаю, вашему отцу не захочется узнать, что так обожаемая им дочь — шлюха. Для него это будет большим ударом. Ведь тот, кто развлекался с вами, никогда не женится на вас. Да и вряд ли кто-либо другой, узнав о вашем позоре, захочет сделать предложение особе, которую таскали по дворцовым кроватям, — он, злорадно улыбаясь, наблюдал за реакцией взволнованной девушки.

— Но... Но откуда вам все это известно?

— О! Это не составило труда, когда едва пришедший в себя от падения на пол виконт доплелся до своей комнаты, а мы, видите ли, с ним соседи. Он рассказал, что сделал с ним мой взбешенный братец. А зная его пристрастие к очаровательным девушкам, можно быть полностью уверенным, что он и вас не выпустил, пока не добился своего, то есть не уложил в постель. Поэтому я смело могу заявить во всеуслышанье, что вы больше не девственница. А злые языки очень любят поболтать, если дело касается не их самих, а кого-то другого. Вас начнут презирать, на вас будут показывать пальцем, как на прокаженную. Вы больше никогда не сможете появиться в обществе без того, чтобы вас кто-нибудь не затащил к себе в постель. С вами будут обращаться, как с продажной девкой. Так что выбирайте. Я жду ответа.

Побледневшими непослушными губами Кристи прошептала:

— Дайте мне, пожалуйста, время, чтобы подготовить отца и собраться с мыслями самой. Для меня все это слишком неожиданно.

— Хорошо, — снисходительно произнес Джеймс, — я буду ждать ровно месяц, но ни днем больше. Так и знайте: через месяц или ваше согласие, или всем станет известно о вас, — и, круто развернувшись, вышел из беседки, оставив умирающую от страха девушку наедине с ужасными новостями.

— Что делать? Что делать? — отчаянно соображала Кристи, — отец не переживет такого позора. Он, может, и догадывается, что случилось со мной, за время долгого отсутствия, но не показывает вида. Но если узнает, что его дочь один собирался изнасиловать, а другой просто уложил в постель, да еще из уст этого негодяя с его ядовитым языком, то это убьет его. Надо немедленно разыскать Генриха и рассказать ему о случившемся. Господи! Только чем же он мне поможет? Я ведь ему не нужна, вернее, нужна только для постели. Милый Рауль, где ты? Сколько всего я успела натворить, пока тебя не было! — но, увидев входившего в беседку отца, взяла себя в руки и улыбнулась.

— Послушай, дочка, — начал Каспер, — пока мы находимся здесь, ради Бога, сделай вид, что приняла то, что велел король. Как только приедем домой, ты немедленно, слышишь, немедленно выйдешь замуж. Я кое с кем переговорил, и один мой друг поможет найти неплохого парня, пусть даже без гроша в кармане. Знай, этому монстру на растерзание я тебя не отдам!

— Милый, добрый мой папочка! — Кристи, уже не сдерживая рыданий, бросилась к нему, увя, мы ничего не можем сделать, слишком поздно!

— Поздно? О чем ты говоришь? Ты что, дала ему согласие? Бедная девочка, разве нужно было так спешить?

— У меня не было выбора, отец. Я никогда тебе не рассказывала, что происходило со мной, когда меня украли. Ты меня не спрашивал, и я тебе благодарна за это, но настало время узнать правду. Я не девственница, папа, как это произошло, рассказывать не буду, но это так. Джеймс Блэквуд каким-то чудом узнал об этом и грозит опозорить меня, если я не стану его женой. Никакие уловки не смогут спасти меня от него. Королю да и всем остальным он грозит преподнести это в самом отвратительном свете. Прости меня, папа, если можешь, но я страдаю из-за своей глупости и постоянного непослушания.

Отец молча выслушал ее, потом прижал к себе и спокойно произнес:

— Я догадался об этом, как только увидел тебя. Для меня это не новость. Ты делала все, чтобы выжить, и я благодарю Бога, что он вернул тебя мне. Джеймс дал тебе время на обдумывание?

— Да, ровно месяц и ни днем больше.

— За это время всякое может случиться, будем надеяться на лучшее.

Кристи все же хотелось поговорить с Генрихом, но король требовал ее постоянного присутствия рядом с собой. Она ловила на себе пламенные взгляды Ричарда, в которых проскальзывала откровенная похоть.

Лесничий протрубил в рог, оповещая о начале охоты. Кристи сидела на белом коне, в светлой одежде для верховой езды. Белая вуаль скрывала половину ее лица и веером развевалась за спиной, когда она скакала за королевской свитой, придерживая умелой рукой разгоряченного жеребца. Всадники стремительно удалялись, а Кристи не спешила, радуясь так необходимой ей передышке. Когда прямо перед ней на тропу выскочил черный всадник на огромном коне, ее жеребец от неожиданности встал на дыбы, и Кристи, не удержавшись, с криком упала на траву, спеша убраться подальше от копыт коня, который, почувствовав свободу, крутился на одном месте.

Генрих мгновенно соскочил с седла, в то время, как его конь, пораженный копьем в бок, споткнулся, и, беспомощно колотя ногами, затих.

— Не поднимайся, резко приказал он Кристи, и, пригнувшись пониже к земле и прячась за деревьями, побежал в ту сторону, откуда прилетело копьё. Но услышал только

удаляющийся топот копыт. Выругавшись про себя, он вернулся на тропу и осмотрел копые, которое должно было попасть в него, не успей он вовремя спрыгнуть. Он обратился к напуганной и все еще лежавшей на земле девушке:

— Ты не ушиблась? Ноги целы? — ему было не до шуток. Присев, он стал осматривать ее лодыжки, — переломов и вывихов нет. Ты, как всегда, отделалась легким испугом, дорогая.

— Что это было, Генрих? Тебя пытались убить? Господи, ну не молчи и не смотри на меня со своей вечно издевательской улыбкой, — простонала она.

— А я и не улыбаюсь. Просто думаю, как ты ухитрилась опять, в очередной раз, заметь, свалиться под копыта коня.

— Ты сам виноват, нечего было высказывать и пугать моего жеребца! Он бы не встал на дыбы, и я бы не свалилась. Ой, что я говорю? Ведь тогда тебя не было бы сейчас в живых! Лучше уж я буду падать, а ты жить! — упрямо тряхнув кудрями, проговорила Кристи, сердясь, что высказала больше, чем ей того хотелось.

— Я польщен, что ты так заботишься о моей персоне, — он еще выше поднял подол ее платья, полностью оголив ее стройные ножки и откровенно любуясь ими.

— Тебе постоянно смешно, что бы ни случилось, — горячилась она, даже не замечая задранной юбки, но осеклась на слове, поймав пожирающий взгляд Генриха. — И не смотри так на меня, я тебе не продажная девка!

— А ты разве знаешь, как глядят на них? — удивленно спросил он, вгоняя ее в краску.

— Нет! Не знаю! Но могу догадаться, как они ведут себя с такими... С такими... — Кристи не могла подобрать нужного слова для оскорбления и, вскочив на ноги, набросилась на него, осыпая ударами своих маленьких кулачков.

Отбиваясь, Генрих схватил ее руки, и они покатались по траве, как два заправских борца. Кристи скоро выдохлась и попросила пощады:

— Все, Генрих, больше не могу, сдаюсь! Склоняю голову перед сильнейшим противником и отдаюсь на волю победителя, — тяжело дыша, проговорила она.

— Тогда победитель требует награды, — в тон ей прошептал Генрих, медленно склоняясь к ней и ища ее губы.

Рот Кристи приоткрылся и принял его трепещущий язык, вбирая его поглубже в себя. А его руки уже гладили ее грудь, потом опустились ниже, подняли подол и принялись ласкать ноги. Ее оголившаяся кожа чувствовала прохладу земли и щекотание травы. Кристи не удивилась, когда он, не раздеваясь, а лишь немного освободившись от одежды, поднял ее ноги себе на плечи и, шепча, как заклинание ее имя, вошел в нее. Она кричала и билась под ним в ошеломляющем экстазе, почти сходя с ума от переполнявшего ее чувства. На той же грани был и сам Генрих, все больше и больше возбуждаясь от ее движений и стонов. Еще сладострастней был пик завершения: они оба долго не могли прийти в себя, чтобы начать хоть что-нибудь сообщать.

— Господи, Кристи, что ты делаешь со мной! Ты хоть понимаешь, какая ты горячая в любви? От тебя же можно сойти с ума.

Кристи несмело улыбалась, мечтая про себя, чтобы он сошел с ума и никогда не женился на Амелии, чтобы принадлежал только ей самой.

Джеймс задыхался от злости, еле удерживая коня. Он опять промахнулся. Ни наемные убийцы, ни его копье не смогли уничтожить Генриха. Этот выскочка думает, что сможет получить все, что захочет. Но на сей раз верх будет не его: рыжеволосая сучка ему не достанется! Как только Джеймс понял, что Генрих равнодушен к Кристи, а это было заметно по влюбленному взгляду, который тот не спускал с нее, реальность получения ее богатства начала таять с каждой минутой. Кузен может расстроить все планы, если женится на ней. Что ж, раз не удалось убить брата, он выкрадет эту девку и продержит взаперти, пока ее отец не даст согласия на брак. Ведь не захочет же он опозорить свое имя известием, что дочь находится в доме Джеймса и делит с ним постель.

— Генрих!

— М-м-м?

— Я хотела с тобой поговорить.

— О чем же дорогая? О том, где мы проводим очередное свидание?

— Нет.

— Тогда о чем же? погоди, я сам догадаюсь: тебе не нравится, что король удерживает тебя возле себя? — он перестал посмеиваться и серьезно посмотрел в ставшие вдруг испуганными глаза. — Меня тоже это беспокоит. Мне кажется, я знаю причину веселости Ричарда: он рассчитывает заполучить тебя в любовницы! — и его глаза наполнились гневом.

— Нет, Генрих! Он желает уложить меня в постель к твоему кузену, настаивая, чтобы я вышла за него замуж.

— Час от часу не легче! Видишь ли, мой кузен любит юных мальчиков, а не прекрасных женщин. Ему не нужна жена. Постой-ка! Так вот в чем дело, значит, я все-таки прав.

— Твой кузен заявил, что не притронется ко мне. Но, Генрих, он знает, что мы любовники, и грозит опозорить меня, если я пойду против воли короля. Мне так страшно! — Кристи прижалась к нему еще сильнее.

— Понятно! А теперь ответь мне на один вопрос: ты согласна выйти за меня замуж?

Сердце Кристи болезненно сжалось. Она с радостью согласилась бы на его предложение, но хорошо помнила слова Амелии: "Если ты любишь Генриха, то не имеешь права лишать его наследства и замка, которым он так дорожит". Отец-то отдаст за него Кристи, даже если он всего лишится, но Генрих возненавидит ее за это, потому что не любит ее, а желает только ее тела, а это не одно и то же. И Кристи отрицательно покачала головой.

— Нет, Генрих, я не стану твоей женой, потому что не хочу, и очень сожалею о том, что рассказала тебе о своем горе, — она спрятала глаза, чтобы он не мог рассмотреть в них отчаяния.

— Ты это серьезно? Долго думала, прежде чем сказать такую чушь?

— Это не чушь, я сказала правду, потому что не люблю тебя, и никогда не любила.

— Очередная ложь! Я тебе не верю! Нелюбимому мужчине не отдаются с такой страстью, как это делаешь ты.

— Ну, ты ведь знаешь, я с детства люблю приключения. Я отдалась бы тебе даже тогда, сидя на лошади, после падения с дерева. Мне очень хотелось испытать те ощущения, о которых с таким интересом шепчутся служанки и молодые дамы. Ты как нельзя кстати

подвернулся, вот я и решила, что отдамся тебе. Уж лучше иметь такого красивого и сильного любовника, как ты, чем тосковать от безделья в замке, — и она заставила себя рассмеяться. — У меня это здорово получилось, не правда ли? И знаешь, я весело провела с тобой время.

— Уходи! — прорычал он, — Уходи, или я сверну твою прелестную шейку, чтоб ты заткнулась!

Подобрав свои юбки, чтобы не мешали при беге, Кристи устремилась к своему, мирно щипавшему траву коню. Она взялась за уздечку и лихо забралась в седло. Выплакаться она еще успеет, когда будет далеко от молчаливо сгорбившейся фигуры. Королю и отцу она объяснит, что заблудилась в лесу и долго искала дорогу. Но, когда прибыла на место сбора, обнаружила, что король и его свита еще не вернулись, а отец очень обрадовался, увидев ее.

Немного подумав и успокоившись, Генрих улыбнулся.

— Нет, рыжая моя! Ты будешь моей и только моей, хотя твои слова больно задели мое самолюбие. Я докажу тебе, что ты любишь меня, даже если сама себе не хочешь в этом признаться. Я докопаюсь, что такого наговорил тебе мой кузен, раз ты так безропотно подчинилась ему и отталкиваешь меня. Уж меня-то несколько не напугала угроза разоблачения твоего падения, тем более, что никому оно так хорошо не известно, как мне, — и, посмотрев с сожалением на почти окованного коня, пешком отправился к месту сбора охотников.

Рог лесничего протрубил отбой. Охота закончилась. Только через час уставший и запыленный Генрих добрался до своей комнаты и, рухнув на кровать, проспал до вечера.

После ужина король пригласил к себе Кристи, которая, как он заметил, сильно нервничала, часто оглядывалась, словно искала кого-то глазами.

— Ваше Величество?

— Думаю, пришло время нам побеседовать, Кристи, как вы считаете?

— Я не совсем понимаю Вас...

— Вас что-то беспокоит, дорогая?

— Да, вы правы, — и в упор посмотрела на него.

— Что же?

— Сегодня на охоте, вы помните, Ваше Величество, я отстала от вас и увидела, как лошадь графа Блэквуда упала, сраженная копьем, которое предназначалось, видимо, ему самому.

— Графа Блэквуда? Вы имеете в виду Генриха?

— Да, мой король. Думаю, ему грозит опасность.

Ричард по-своему любил Генриха и был уверен в нем. Как никогда ему сейчас нужны были преданные люди, и король в раздумьях, кто бы мог стоять за всем этим, принялся расхаживать по комнате. Он уже раньше слышал о нескольких нападениях на Генриха, но тот всегда отшучивался, когда после очередного покушения живой и невредимый предстал перед ним.

— Спасибо за информацию, милая девушка, но я не за этим пригласил вас. Как у вас обстоят дела с Джеймсом Блэквудом? К какому соглашению вы пришли? Он вам понравился? — Ричард испытующе посмотрел на нее.

— Нет, мне не нравится этот человек, но через месяц я выйду за него замуж, если этого так хочется Вашему Величеству, — и глаза ее наполнились грустью, — а теперь, если вы позволите, мы с отцом хотели бы отправиться домой. Он неважно себя чувствует, годы,

наверное, дают о себе знать.

Ричарду порадовался, что Джеймс не произвел впечатления на Кристи, значит, у него самого есть шанс увлечь ее. Но торопиться не следует, и он отпустил их домой с условием, что в ближайшее время они навелят его в столичном дворце.

Повозка стремительно сорвалась с места, как только Кристи с отцом уселись поудобнее. Каспер не стал дожидаться слуг, приказав посыльному, чтобы те следовали к замку самостоятельно. Дорога могла оказаться небезопасной, но он думал лишь о том, чтобы побыстрее укрыть дочь за стенами родного замка.

Близился рассвет, звезды постепенно гасли одна за другой, теплый ветерок играл свежей листвой, отдохнувшей за ночь от дневного зноя. Птицы просыпались, начиная утро приветственной песенкой. На востоке разгоралась заря. До замка оставалось не более двух часов пути, когда внезапно из-за деревьев показались всадники. Лиц разобрать было невозможно: черные повязки наполовину скрывали их. С грозными криками они окружили повозку. Кучер после удара, нанесенного одним из нападавших, упал с козел и больше не шевельнулся. Тонкая струйка крови стекала по его щеке, покрывая землю красным цветом.

— Выходите! — резкий голос прозвучал одновременно с открывшейся дверью повозки.

Кристи, чуть живая от страха, сидела, не шевелясь, губы ее шептали молитву. Граф вышел из повозки и обратился к всадникам.

— Что вам угодно, господа? По какому праву вы нас остановили? Его величество король будет крайне разгневан, если узнает о столь невиданной дерзости по отношению к своим приближенным, — и смело посмотрел в закрытые лица.

Несколько человек в нерешительности отступили назад, но один, видимо, предводитель, двинул свою лошадь прямо на говорившего, чуть не сбив его с ног, и обращаясь к остальным, приказал:

— Женщину вытащить из повозки, а старика оставить!

Граф кинулся было на отдающего приказу мужчину, но не успел сделать и двух шагов, как получил сокрушительный удар по голове. Его большое тело рухнуло на пыльную дорогу, не подавая признаков жизни.

— Ты что, болван?! Я же сказал старика не трогать! Мне он нужен живым, — прохрипел предводитель.

— Но господин, вы же видели, он бы просто так не сдался. Да и ничего с ним не случится; отлежится и очухается.

Девушка в ужасе уставилась на распростертое тело отца. С криком она выскочила из повозки и опустилась на колени возле него. Слезы отчаяния и бессилия стекали по щекам. Предводитель наклонился, рывком схватил Кристи, перекинул поперек лошади и устремился в лес. От неудобного положения в глазах рябило, кровь прилиwała к голове, и через некоторое время пленница потеряла сознание. Пробуждение было продолжением кошмара: она смутно помнила, что ее, как мешок с мукой, куда-то несли, а затем бросили на кровать. Кристи огляделась: очевидно, это был небольшой охотничий домик, но кому он принадлежал, она не знала. На полу лежал ковер ручной работы, по стенам висели чучела и картины на охотничью тему. Ложе, на которое ее бросили, было застелено шкурами животных. На столе красовались бронзовые подсвечники. Из всего этого она заключила, что домик принадлежит состоятельному хозяину, и им часто пользуются.

Дверь с шумом отворилась, и Кристи увидела одетого во все черное мужчину. Глаза, сверкавшие из-под маски, горели хищным огнем и не предвещали ничего хорошего. Девушка

вжалась в шкуры и похолодела от страха. Ничего не говоря, мужчина одним прыжком преодолел разделявшее их пространство и кинулся на побледневшую пленницу. Выламывая до боли ей руки, он пытался сломить ее яростное сопротивление.

Генрих появился на ужине почти в самом его разгаре. Захмелевшие гости уже в сотый раз пересказывали друг другу свои подвиги. Он осматривал зал в надежде найти Кристи и еще раз поговорить, но до конца ужина так и не обнаружил ее. Выйдя из душного зала на воздух, он побрел на конюшню узнать о своих лошадях и предупредить кучера, что выезжает рано утром. Не обнаружив повозки с гербом Мак-Ковенов, он поинтересовался, куда они могли направиться.

— Мой господин, они отбыли домой еще часа два назад. Его светлость с дочерью так торопились, что уехали, не дождавшись своих слуг, — скороговоркой доложил услужливый кучер.

— Запрягай повозку, Джек, да побыстрее! — отдав приказ, Генрих бросился собирать свои вещи. Всю дорогу он ругал графа Каспера за столь необдуманный поступок, печалась о том, что сам не смог их проводить. Еще издали он заметил, что повозка Мак-Ковенов стоит на дороге с распахнутой дверью. Лошади мирно щипали траву. Графа он обнаружил сидящим на траве и отрешенно смотревшим перед собой. Похоже, что от удара в затылок он не совсем еще пришел в себя. Мертвый кучер лежал в стороне.

— Господи, граф, что случилось? Где Кристи? — снедаемый нехорошим предчувствием вскричал Генрих, помогая Касперу подняться. Глаза последнего приобрели, наконец, осмысленное выражение.

— Генрих! Это ты, дорогой! Кристи? Ты видел Кристи? — он стал озираться по сторонам, боясь наткнуться взглядом на ее тело.

— Ее здесь нет, — растерянно ответил Генрих.

— Значит, они, эти люди в масках, похитили мою дочь... — отец застонал от отчаяния, обхватив руками раскалывающуюся голову.

— Граф, если вам не трудно, постарайтесь вспомнить, как выглядели эти люди. Вы их видели? Может быть, по голосу узнали кого-нибудь? — с надеждой спрашивал Генрих, — так мы хоть будем знать, где искать ее.

— Нет, Генрих, ничего не знаю. Я впервые видел этих людей, но могу сказать, что это не простые разбойники: они были на хороших конях и прилично одеты, — потом, подумав немного, произнес, — хотя погоди. Да, точно! У одного из нападавших, похоже, главного, на руке был перстень в виде головы льва. Да, точно, на левой руке. Только поможет ли это нам? Не уверен... — и, опустив седую голову, тихо заплакал.

— В виде головы льва? — переспросил Генрих, хотя уже знал, кому он принадлежит. Таких семейных реликвий была всего пара, и он мог точно описать, как они выглядят: в глаза льва были вставлены два маленьких изумруда. У него и самого был такой перстень-лев, но он не надевал его, ибо еще совсем недавно его носил отец. Второй перстень носил его кузен Джеймс Блэквуд. Так вот кто похитил Кристи. Очевидно, он понял, что она может ему и не достаться, и решил действовать по-другому.

— Каспер, вы сможете подняться и один доехать до дома? Мой кучер отвезет вас. Кажется, я знаю похитителя. Клянусь, что достану его хоть из-под земли! Не позднее сегодняшнего вечера Кристи будет дома, — и, поклонившись, он помог графу забраться в повозку.

— Поезжай потише, Джек, не растрясси его, но смотри в оба! Вот тебе кинжал, если что.

отбивайся, не задумываясь, но доставь графа Каспера живым и невредимым! — отдав приказание, Генрих занял место кучера на козлах своей повозки и галопом погнал коней к замку Блэквудов. Он догадывался, что раз Джеймс решился на разбой на их землях, то, очевидно, он находится в своем поместье, расположенном по соседству. Там, в тихом и удобном доме, после своих веселых пирушек и азартных проигрышей, обычно любит уединяться его кузен. Иногда с парой молоденьких, но нищих приятелей он до утра предавался оргиям, от одной мысли о которых у Генриха волосы вставали дыбом. Бедная Кристи! Только бы он с ней ничего не сделал, не заставил находиться там, где царит разврат. От злости и бессилия Генрих скрипел зубами. Спрыгнув с козел, он бегом устремился к парадным дверям, на ходу опрокинув на землю оторопевшего от неожиданности дворецкого. Распахивая все двери, он носился по комнатам, не обращая внимания на визжащих служанок.

— Чем обязан столь бурному появлению, кузен? Твое присутствие в моем доме вовсе не обязательно.

— Сейчас поймешь, подлая твоя душа! — рыча от ярости, Генрих ринулся на Джеймса, который пытался ускользнуть в кабинет, и, схватив за грудки, изо всей силы швырнул его на пол. Растянувшись во весь рост и ударившись об кресло, Джеймс взвыл, призывая на помощь.

— Помощь тебе не понадобится, иначе, прежде чем ко мне кто-либо притронется, я разможу тебе череп. Так что лучше останови своих головорезов пока не поздно.

Джеймс, сидя на полу, кивком головы отослал всех прибежавших на крик, и приказал закрыть дверь.

— Чего ты хочешь, Генрих?

— Только одного: ты мне скажешь, где прячешь Кристи! Понятно?

— А почему ты решил, что я знаю, где она? Может, лучше с этим вопросом обратиться к королю? Возможно, он сейчас наслаждается ее прелестями. Ты же знаешь, меня женщины не интересуют, — и, зло прищурившись, уставился на Генриха.

— Не будь глупым, Джеймс! Отец Кристи узнал тебя по семейному кольцу, вернее, он заметил его на нападавшем, а я сделал выводы. Только два человека имеют перстень в виде головы льва — ты и я, так что догадаться было нетрудно. Где Кристи, Джеймс? Черт возьми, я теряю терпение! — и, выхватив из-за пояса кинжал, приставил его к горлу кузена. — Считать до трех мне не придется: у тебя, надеюсь, еще осталась хоть капля разума!

— В охотничьем домике! — тяжело дыша и обливаясь холодным потом, прохрипел Джеймс.

— Если ты причинил ей хоть малейший вред, а ты понимаешь, о чем я говорю, то считай себя покойником! — Генрих брезгливо откинул его от себя и быстро вышел.

Как только шаги Генриха стихли, и до Джеймса донесся звук отъехавшего экипажа, он вскочил с пола и что было сил закричал. Через десять минут от дома отъехал всадник и направился в сторону леса. Он вез приказание Джеймса людям, охранявшим Кристи, убить ее и закопать труп в лесу, а Генриху сказать, что она убежала.

Полчаса понадобилось Генриху, чтобы добраться до своего замка и оседлать любимого коня. Он был уже в седле, когда ему передали, что его молочный брат Гейвин несколько часов тому назад вернулся с Сицилии и в нетерпении ожидает встречи с ним. А сам Гейвин уже бежал наперерез скакавшему хозяину, размахивая руками и прося остановиться. Запыхавшись, он обратился к Генриху:

— Здравствуй, мой господин! — но, взглянув на его озабоченное лицо, спросил, — что-нибудь случилось? Нужна моя помощь? Я не так уж и устал, могу следовать за тобой.

— Очень хорошо, Гейвин! Скажи, не жалея лошади, в замок Мак-Ковенов и передай графу, что Кристи в моем охотничьем домике. Ты знаешь, где это. Я еду за ней, так что пусть граф не беспокоится.

— Передам. Господин Рауль тоже прибыл! Мы вместе на одном корабле приплыли во Францию, а потом домой. Ему я и передам то, что ты просишь. Думаю, он поедет вам навстречу! — и поспешил выполнять поручение.

Генрих остановил коня недалеко от домика и тихонько, не издавая шума, стал приближаться. Он обнаружил двух охранников, сидевших возле порога и о чем-то тихо беседовавших. Неожиданно появившийся человек с мечом в руке произвел на них устрашающее впечатление. Они вскочили, но не сделали ни одного шага ему навстречу.

— Если будете себя хорошо вести, я оставлю вам жизнь, но не делайте ни одного лишнего движения, иначе... Те и не думали сопротивляться и пропустили его внутрь. Зная расположение комнат, Генрих сразу же нашел Кристи.

Когда на Кристи напал мужчина в маске, она изо всех сил старалась справиться с ним. Резким ударом ноги, которому обучил ее Рауль, Кристи оттолкнула его от себя, тем самым давая себе возможность подняться с кровати и отбежать к стене. Незнакомый не произнес ни одного слова, но, поднявшись с пола, с ненавистью рассматривал девушку. Потом, злобно выругавшись, сплюнул в ее сторону и удалился, не закрыв дверь на ключ. Да и куда ей было бежать? Она не имела понятия, где она, и зачем ее сюда привезли, но по опыту знала, что слезами горю не поможешь, поэтому, как только стихли шаги, присела на кровать и задумалась. Звук открываемой двери вернул ее к действительности. Кристи мгновенно вскочила и, схватив со стола тяжелый подсвечник, приготовилась к обороне. В такой воинственной позе ее и застал Генрих. Подсвечник с грохотом упал на пол, когда Кристи в полумраке разглядела вошедшего, а затем с криком облегчения бросилась в раскрытые объятия.

— Кристи, девочка моя... — только и смог произнести Генрих, пряча лицо в ее растрепанных волосах.

— Генрих! Генрих! Как ты нашел меня? О, милый Генрих, как я люблю тебя! — и она подняла на него восхищенный взор зеленых глаз.

— Долгая история, дорогая. Но мне послышалось, или ты, действительно, сказала, что любишь меня? — затаив дыхание, он ждал ответа.

— Люблю! Миллион раз скажу, что люблю! — и Кристи, засмутившись от своего пылко признания, опустила глаза, — а ты? — еле слышно прошептала она.

— А разве я не говорил тебе, что ты единственная, любимая, самая таинственная и очаровательная из всех женщин?

— Генрих! — притопнув ножкой, взмолилась она, — не увиливай от ответа!

— Я люблю тебя, Кристи! — засмеявшись, проговорил Генрих и стал осыпать поцелуями ее лицо и шею. Но вдруг что-то вспомнив, отодвинул ее от себя и прогремел:

— Объясни, черт возьми, почему ты не хочешь выйти за меня замуж! Неужели считаешь, что я не смогу уберечь тебя от моего кузена, да и от самого короля?

— Ты прав, Генрих, — отстраняясь от него, прошептала Кристи, — я совсем потеряла голову, но ты кое-что напомнил мне. Ты ведь сам понимаешь, что не можешь на мне жениться, так зачем с такой настойчивостью добиваешься моего согласия? Зачем

причиняешь мне боль? Ведь мне нелегко расстаться с тобой, а быть вместе еще труднее.

— Это почему же? Пока я не видел препятствий, кроме тех, которые ими уже не являются.

— Завещание, Генрих!

— Что завещание? О чем ты говоришь?

— Надеюсь, ты не забыл, что сказано в завещании твоего отца?

— А что такого там сказано, что мешает мне жениться на тебе? — он в изумлении уставился на растерявшуюся девушку.

— Как это что?! Ты же можешь жениться только на Амелии и ни на ком больше, иначе потеряешь наследство. Все, чем ты владеешь, перейдет к Джеймсу! Ты что, не помнишь завещание?

— Почему же, прекрасно помню. Кто мог наговорить тебе подобную чушь? Действительно, я обязан на ней жениться, когда мне исполнится тридцать лет. А мне, дорогая, пока двадцать девять с половиной.

— Вот видишь! Эти полгода никакой роли не играют! — и, прижавшись к нему, прошептала, — а впрочем, играют: эти полгода ты все еще будешь моим.

— М-м-м...

— И я смогу наслаждаться нашей близостью. Мне уже все равно, что будут говорить обо мне, лишь бы не расставаться с тобой больше.

— А вот мне не все равно, что будут говорить о моей будущей жене, — он с улыбкой рассматривал изменившееся лицо Кристи, — тебе не досказали всего завещания. Я обязан жениться на Амелии в тридцать лет, если до этого не полюблю другую и не женюсь на ней.

До Кристи с трудом доходил смысл сказанного.

— Значит ли это, что леди Амелия меня обманула?

— Ну, думаю, просто старалась убрать с дороги неожиданную соперницу.

— Соперницу? Но ведь я тогда была всего-навсего служанкой! Какую угрозу я могла для нее представлять? Ведь ты не смог бы жениться на прислуге?

— По-моему, она знает меня лучше, чем ты, любовь моя!

— Ты? Ты? О, Генрих! Неужели ты смог бы?

— Я весь вечер искал тебя, чтобы сделать предложение. Зачем мне все богатства мира, если рядом со мной не будет тебя, моя зеленоглазая колдунья?!

— О, Генрих! Я так переживала, но все же оставила тебя, думая, что спасаю, когда убегала, так и не признавшись, кто я на самом деле. Ведь мне казалось, что это уже не имеет значения.

— Тебя увезла Амелия? Так?

— Да, она помогла мне добраться до деревни, откуда уже рукой подать было до дома. Но она так и не узнала, кто я.

— Может, это и к лучшему... Иначе, думаю, ты вряд ли встретила бы с отцом, — и приник к ее губам в горячем поцелуе. Кристи ответила ему со всем жаром своей любви. Никто из них не услышал, как открылась дверь...

Генрих вдруг резко вздрогнул и стал оседать на пол. Вырванная из грез любви Кристи непонимающими глазами смотрела на неподвижное тело любимого, пока кромешная тьма не охватила ее.

Рауль тряс потерявшую сознание сестру до тех пор, пока она не открыла глаза.

— Слава Богу, девочка, я уж думал, ты никогда не очнешься! — и он приподнял с пола

обессиленную девушку.

— Генрих! Генрих! Что ты с ним сделал? О, Рауль, как ты посмел его убить?! — в истерике забила в его объятиях Кристи, обезумев от горя и отталкивая его прочь.

— Что же тут произошло? — еле сдерживая вырывающуюся сестру, спросил он удивленного таким обвинением Гейвина.

Гейвин молчал, только взгляд его никак не мог оторваться от свежего пятна крови на ковре.

— Очевидно, мы опоздали, Рауль! Тот, кто посетил леди Кристи раньше нас, убил Генриха... Почему я не поехал вместе с ним?! Нет мне, дураку, прощения! — он с силой ударил кулаком по стене.

— Возможно, ты прав, но не будем терять надежды. Может быть, раненному Генриху удалось добраться до дома. Сейчас я со своими людьми отвезу Кристи домой, ей нужен врач. Ты же, Гейвин, обыщи все вокруг и возвращайся в замок. Если Генрих не появился там, собери всех на его поиски, а затем сообщи нам о результатах.

Две недели днем и ночью все мужчины замка Блэквуд искали Генриха, но ни живого, ни мертвого так и не обнаружили. Посыльный уже скакал с печальным известием к королю, когда потерявший надежду Гейвин прибыл в замок к Раулю, ставшему ему другом.

— Мы нигде не нашли его, — тяжело опустившись на стул, проговорил он в ответ на немой вопрос отца и сына Мак-Ковенов, хотя уже по одному виду Гейвина ответ был ясен.

— Так... Теперь, когда поместье перейдет к кузену Генриха, тебе там делать нечего. Как друг, предлагаю тебе крышу своего дома, где тебе всегда рады.

— Спасибо, Рауль! Мне, действительно, некуда идти. Скажи мне, как Кристи?

— Плохо. Лекарь говорит, что нервный срыв может пройти не скоро, а может и перейти в тихое помешательство. Эх, знать бы мне, кто все это сделал, мокрого места не оставил бы от негодя!

Болезнь затягивалась. Его Величество уже несколько раз посылал за девушкой. Не поверив лечившим ее, король отправил к Мак-Ковенам своего лекаря, который полностью подтвердил диагноз: Кристи угрожало сумасшествие. Ричард был очень огорчен, он, как ни странно, искренне сочувствовал ей.

Тем временем ее так называемый жених, нисколько не страдая, перебрался в родовой замок Генриха и основательно расположился в нем. Жена, даже богатая, была ему не нужна. Теперь он и сам слишком богат, чтобы совершить такую глупость — жениться. А Его Величество пусть найдет другого шпиона, он не собирается рисковать головой ради государственных интересов. Ему вовсе не хотелось болтаться на виселице, если его поймают. Джеймс собирался отсидеться в имении, сославшись на болезнь, дабы не появляться при короле. Слишком долго он шел к намеченной цели — богатству рода Блэквудов, чтобы умереть, не вкусив прелестей победы.

Он был взбешен, когда посланный слуга вернулся пешком, так и не передав распоряжения убить Кристи: лошадь попала ногой в яму и сломала себе шею, едва не раздавив рухнувшим телом слугу, который чудом отлетел в сторону, а потом, хромя и потирая ушибленные места, еле доплелся назад. Спустя несколько минут Джеймс уже гнал свою лошадь, не разбирая дороги, и быстрее, чем сам того ожидал, добрался до охотничьего домика. Два голубка так ворковали, что даже не заметили, как он вошел.

Несколько недель Кристи металась в бреду, путая прошлое с действительностью. Ее рассудок помнил лишь, что Генрих упал к ее ногам, истекая кровью. Но мало-помалу она

избавилась от мучивших ее кошмаров. Похудевшая, с черными кругами вокруг запавших глаз, она с испугом озиралась по сторонам, пока взгляд ее не наткнулся на одиноко склонившуюся фигуру в кресле.

— Рауль, ты мне снишься? — она робко протянула к нему ослабевшую руку.

Прижав к губам ее холодные пальцы, Рауль от радости не мог ничего произнести, но, совладав с собой, мягко ответил:

— Нет, родная, это не сон. Я действительно вернулся. Когда ты поправишься, я обязательно расскажу тебе о своих приключениях. А о твоих, моя непоседа, мне уже поведали достаточно.

— А где папа? С ним все в порядке? Уже два дня я не видела его... — она устало прикрыла глаза.

— Два дня говоришь? Сейчас я его позову — он нехотя отпустил ее руку и поспешил сообщить отцу и Гейвину радостную весть.

Кристи спала, а граф Каспер гладил ее по голове, не отводя от дочери любящих глаз. Его девочка быстро шла на поправку, хотя врач еще не разрешал ей вставать с постели. Рауль тихонько подошел сзади и положил руку ему на плечо. С трудом поднявшись, отец улыбнулся ему.

— Хорошо, хорошо, я уже удаляюсь.

— Ты отдохни, отец. Гейвин ждет тебя внизу, кажется, ты собирался сыграть с ним в кости. А я посижу с Кристи, пока она не проснется.

Кристи уже давно проснулась, но не открывала глаз. Ей больно было видеть, как сильно состарился за этот год отец. Столько горя выпало на его долю, пока они с Раулем "путешествовали". Но, как только за отцом закрылась дверь, тут же села в кровати, чем немало удивила брата.

— Так, Рыжик, кажется, ты опять начинаешь шалить. Это хороший признак, но для всех, а в особенности для короля, в целях безопасности ты будешь оставаться больной, — и, весело засмеявшись, как в детстве легонько щелкнул ее по носу.

— Ты прав. Но поговорить я с тобой хотела вовсе не о короле, он меня совершенно не интересует, — посмотрев в упор на брата, она жестко произнесла, — Рауль, как ты мог убить Генриха?

— Кристи, я его даже не видел! Когда я ворвался в дом, ты лежала на полу одна. Мы с Гейвином не обнаружили ни одного человека возле дверей, да и на милю кругом было пустынно. Гейвин прискакал к нам, когда мы с отцом обсуждали нападение на вас, и передал, что Генрих поехал за тобой в охотничий домик, где тебя спрятали похитители. Мы сразу тронулись вам навстречу, но по дороге никого не увидели, добрались до домика, где и обнаружили тебя.

— Тогда где Генрих? — она умоляющими глазами уставилась на брата, боясь услышать правду.

— Тело так и не нашли... Кристи, в бреду ты постоянно повторяла, что любишь его. Когда же ты успела полюбить, ведь вы только раз или два встречались, да то, когда ты была еще ребенком.

— Я и полюбила его ребенком. Он первый и единственный мужчина, который завладел не только моим телом, но и всей душой.

— Что? Что ты сказала? Генрих спал с тобой? Да как, черт возьми, он посмел?! Его счастье, что он пропал, иначе я своими руками задушил бы его, несмотря на то, что он мой

друг! — Рауль принялся метаться по комнате, чем вызвал улыбку Кристи.

— Он просто взял то, что ему принадлежало, как он считал.

— Объясни толком! — рычал разъяренный брат.

— Я была его служанкой, и ему не надо было разрешения на то, что ты раньше проделывал со Сьюзен.

— Это совсем не одно и то же. Сьюзен — служанка от рождения, а ты — моя сестра.

— Ну, дорогой, когда меня оборванную и грязную продали ему, у меня на лбу вовсе не было написано, что я твоя сестра. Рауль, я сама, сама этого захотела, поэтому и не сказала, кто я, иначе меня бы без разговоров доставили домой. Пойми, я давно не маленькая девочка, я уже выросла. А вы с отцом не хотите этого видеть. Я отдалась мужчине, которого люблю больше жизни. Он несколько раз делал мне предложение. Ты напрасно страдаешь, думая, что Генрих — бесчестный человек. А когда, наконец, я согласилась стать его женой, то... — из глаз ее, которые теперь приобрели цвет бушующего моря, полились слезы.

— Прости, милая, мне очень жаль, — не зная как утешить, он прижал ее к себе и стал убаюкивать, как в детстве. — Отец знает, что твой избранник — Генрих?

— Нет, Рауль, я просто не успела сказать ему об этом. Когда Джеймс узнал, что мы с Генрихом любовники, он стал шантажировать меня, заставляя выйти за него замуж. Он отвратительный тип! Я не удивлюсь, если когда-нибудь выяснится, что именно он сделал это с Генрихом, — слово "убил" она произнести не смогла. — Нет, Рауль! Я не верю, что Генрих... Нет! Я тогда перестала бы жить, а раз бьется мое сердце, значит, бьется и его!

Рауль поразился той уверенности, с какой она говорила, что Генрих жив. Ему не хотелось разбивать ее иллюзий. Раз она верит в это, и ей от этого легче, значит, так тому и быть.

Кристи поднялась с постели. Рауль радовался выздоровлению сестры, но и печалился: ведь скоро с ней снова придется расстаться. Отец не отказался от мысли послать его с торговыми делами к южным берегам.

— Я хочу отправиться вместе с тобой, Рауль, — Кристи все утро донимала его, когда узнала, что он собирается в плаванье.

— Пойми ты, наконец, несносный ребенок, женщине не место на торговом судне. Вся команда сойдет с ума только от одного твоего присутствия, — уже в сотый раз повторял он, теряя терпение.

— Ты должен взять меня! Может быть, мы найдем Генриха. Отец, Гейвин, хоть вы объясните ему, что мне необходимо поехать с ним, — она умоляюще посмотрела на обоих. Трое мужчин хранили гробовое молчание.

— Значит, не возьмешь? Хорошо! Тогда я сама отправлюсь на его поиски, одна! И да поможет мне Бог! Только потом не говорите, что я вас не предупредила.

— Послушай, Рауль, кажется, эта девочка не шутит. И насколько я узнал ее, она сделает то, что обещает, — подумав, сказал Гейвин.

— Да, Рауль, к тому же, нам лучше держать ее подальше от короля. Я уже не так молод, вернее, совсем стар, чтобы должным образом защитить ее, а вы с Гейвином присмотрите за ней. Уж пусть лучше она будет на корабле с вами, чем сбежит куда-нибудь совсем одна, — и со вздохом произнес, — с Богом, дети мои. Я благословляю вас на дальнюю дорогу.

— Ну, конечно! Этот рыжеволосый бесенок опять получил то, что хотел, — и на лету подхватил кинувшуюся к нему с радостной улыбкой Кристи.

Огромный грузовой корабль принял на борт своих пассажиров. Кристи поместили в одну каюту с Раулем для большей безопасности. Гейвин разделил каюту с помощником капитана, веселым шотландцем, который иногда комично коверкал слова, вызывая улыбку Кристи. Морской воздух пошел ей на пользу, щеки приобрели румянец, а к губам вернулся цвет спелой вишни. Глаза ее излучали мягкий зеленый свет. Команда корабля была зачарована прекрасной женщиной, но никто не посмел заговорить с ней или даже приблизиться: Рауль, словно ястреб, наблюдал за всеми, готовый в любую минуту броситься в бой. Один вид этого гиганта с пшеничными волосами и мускулами, играющими под одеждой, был устрашающим, Гейвин также ревностно охранял избранницу хозяина.

— Кристи!

— М-м-м?

— Почему ты уверена, что Генрих не в Англии?

— Ведь тела его не нашли. Ну, почему ты не хочешь представить, что его раненного, увезли? Может, для того, чтобы завладеть его богатством, Джеймс вывез его из страны, а Генрих, придя в себя, не имеет денег, чтобы вернуться обратно. Мы должны его найти! Будем останавливаться во всех портах, которые встретятся нам по пути, и спрашивать о нем. Ясно? — она терпеливо объясняла, словно несмышленому ученику.

— Простите, господин, что нарушил ваш разговор. Возможно, мы говорим о разных людях, но...

— Продолжайте, пожалуйста, — Кристи подалась к говорившему, не дав Раулю и рта раскрыть.

— Несколько месяцев назад я был боцманом на одном судне, попал я туда случайно. Заболела моя жена, и пока я два месяца провел на берегу, моя посудина ушла в плаванье. Мне просто повезло, что капитан искал боцмана вместо своего, который напился, да так и не проснулся. Так вот, на тот корабль был доставлен мужчина, истекающий кровью. Те, кто его привез, хорошо заплатили капитану. Судовому лекарю пришлось изрядно потрудиться, прежде чем он поднял на ноги этого парня. Как его звали, мне не известно, но такого как он забыть трудно: черные волосы и синие глаза — это редко встречается. Да, еще, как только он встал на ноги, то отчаянно требовал, чтобы его отвезли обратно в Англию. Грозился разнести все судно в щепки.

— Куда? Куда его увезли? — Кристи уже не сомневалась, что это был именно Генрих. На свете не может быть двух таких, как он.

— Корабль шел к северным берегам, в Швецию, леди. Может быть, это просто совпадение, но проверить не мешает.

— Ты слышал, Рауль? Мы плывем в Швецию!

— Это невозможно, Кристи, ведь мы направляемся к южным островам за товаром.

— Рауль! Если потребуется, я вплавь доберусь до этой Швеции.

— Я тоже! — Гейвин слышал рассказ, и у него, как и у Кристи, зародилась надежда.

— Ты не можешь бросить его там! А если он нуждается в помощи? Ведь он твой друг, — Кристи осуждающе посмотрела на брата, — к черту товары! Мы берем курс к северным берегам!

— Уговорили! Капитан, курс на Север!

Высадившись в первом же северном порту, Рауль, Кристи и Гейвин искали, где только возможно пропавшего Генриха. Но никто ничего определенного сказать не мог. Потратив две недели на бесплодные поиски, они в отчаянии вернулись на корабль.

— Послушайте, боцман, вы точно здесь оставили того человека? — спросил Рауль.

— Да, мой господин. Он сошел на берег с одним местным жителем по имени Петер Свенсон, кажется, он из сельской местности.

— Так что же ты раньше не сказал? Возможно, этот Свенсон знает, где Генрих.

— У меня вылетело это из головы, мой господин, — и он виновато посмотрел на Рауля, а потом в сторону Кристи, которая уже мчалась к шлюпке.

Генрих пошевелил затекшей рукой, но резкая боль в спине заставила его застонать: — Где я? Почему кровать шатается?

— Вы на судне, — мужчина увидел, что раненый проснулся и пытается понять, где находится.

— Что за шутки?! Какое судно, и где, черт побери, моя невеста?

— Когда вас принесли, вы были один, никакой девушки я поблизости не заметил.

— Все, вспомнил! Кажется, кто-то пытался меня убить. Думаю, я даже знаю, кто. Дьявол!

— Не двигайтесь! Лекарь уже несколько дней пытается вернуть вас с того света.

— Куда мы направляемся? Если меня запихнули на этот корабль, значит, рассчитывают, что в ближайшее время я не вернусь, — в задумчивости произнес Генрих.

— Путь неблизкий, так что давайте познакомимся. Я Петер Свенсон, а вы, судя по вашему выговору, британец?

— Да, я граф Генрих Блэквуд, из Англии. Вы знаете, куда направляется этот корабль?

— К северным берегам. Я живу в Швеции, был во Франции, покупал древесину для строительства.

Через две недели Генрих почувствовал в себе силы подняться с койки. Качка на корабле мешала нормально двигаться, но все же он добрался до каюты капитана.

— Капитан! Я требую, чтобы вы доставили меня обратно к берегам Британии, иначе я разнесу ваш корабль в щепки! — и угрожающе двинулся на него.

— Не думаю, господин. Во-первых, вы один, а нас — оглянитесь вокруг. А во-вторых, надвигается шторм, так что, если Провидению будет угодно, нас разнесет в щепки и без вас, так что советую вам спуститься вниз, — спокойно произнес капитан, хотя вид наступавшего на него Генриха не предвещал ничего хорошего.

— Черта с два! Я скормлю вас рыбам, если вы не повернете, — и он бросился на капитана, намереваясь сделать то, что обещал. Со всех сторон к ним сбежались моряки.

— Остановитесь, Генрих! — к нему, перекрикивая шум, пытался протиснуться Петер Свенсон, что-то объясняя жестами. Генрих отпустил капитана, вопросительно посмотрел на Петера и двинулся ему навстречу, расталкивая команду. Пришедший в себя капитан успокоил разгоряченных матросов, которые, ругаясь, разошлись по своим местам: начинался шторм.

— Что случилось, Петер?

— Пойдем в каюту, там объясню, — его слова были еле слышны из-за рева ветра и шума дождя. Наконец, насквозь мокрые и уставшие от качки, они добрались до каюты.

— Генрих, тебе не следует поднимать шума, — едва отдышавшись, произнес Петер, — я

видел, как капитану заплатили и, похоже, немало, а когда покидали судно, дали указание: "Если будет бунтовать, выбросьте за борт". Никто не может помешать им сделать это, понимаешь? Лучше доберемся до Швеции, а там ты пересядешь на другое судно.

— Ты прав, я, действительно, обезумел. Мне следовало понять, что меня не захотят оставить в живых.

Шторм продолжался несколько дней. Судно кидало из стороны в сторону, казалось, еще одна волна, и оно не выдержит и пойдет ко дну. Но все обошлось небольшими повреждениями да двумя смытыми в море матросами.

За долгое плаванье Петер часами рассказывал Генриху, какое чудесное у него хозяйство, замечательная жена и прекрасные дети. Их двое — мальчик и девочка. Когда он уезжал, дочка только начинала ходить, сейчас, наверное, уже бегают. Петер очень любил свое хозяйство, оно досталось ему от отца. Отец был небогат, но оставил в наследство небольшой дом, который сейчас Петер достраивает, и землю. Одно крыло дома уже достроено, а второе поднято лишь наполовину. Еще год, и дом будет готов полностью.

Наконец они достигли земли. Уже несколько дней шел проливной дождь.

— Вот и Швеция, добро пожаловать на мой родной берег. Ты не грусти, Генрих, день-два и солнце будет припекать, как настоящее, так что еще захочешь дождя.

Генрих стоял и вертел в руках письмо и кошель с деньгами, которые передал ему капитан. Спрятав за пазуху намокшую бумагу, он поспешил за Петером в ближайший постоялый двор. Обсохнув и подкрепившись, Генрих, наконец, распечатал письмо и сразу узнал почерк кузена.

"Генрих! Ты, очевидно, уже догадался, кто отправил тебя в путешествие. Так вот, если ты хочешь, чтобы твоя рыжеволосая осталась жива, то будешь находиться подальше от Британии. Для всех тебя уже нет в живых, а я в ближайшее время стану единственным наследником Блэквудов. Я мог бы убить тебя, но не сделал этого, я не злодей. Но знай, что, если ты появишься на берегах Англии, одна из подкупленных мной служанок в замке твоей ненаглядной сразу отравит ее. Могу утешить тебя тем, что жениться на ней я не собираюсь, надеюсь, в скором времени сам король будет ублажать ее. Капитан передаст тебе деньги, думаю, они очень пригодятся на первое время. Прощай.

Твой кузен Джеймс".

Генрих смял письмо и со злостью швырнул его в конец комнаты.

— Неприятности? — спросил вошедший Петер. Вид раздосадованного попугайчика убедил его в том, что он прав.

— Если умеешь читать, сам все поймешь, — и показал на скомканный лист бумаги.

— Да, Генрих, он все продумал. Тебе не следует возвращаться туда.

— Через несколько месяцев мне исполнится тридцать, и тогда все пропало: я не смогу жениться на любимой! Проклятое завещание! Ну, почему мы не вольны делать то, что хотим?

— Генрих?

— М-м?

— Поедем ко мне. Поживешь, оглядишься, может, и останешься...

— Да что я умею делать? Практически ничего. Я был воином при короле...

— Научиться всему можно, было бы желание. Завтра поутру выезжаем.

Дороги, чтобы ехать в телеге или повозке, не было, поэтому решено было отправиться в лодке по реке. Через четыре часа лодка причалила к деревянной пристани, едва заметной

под густой зеленью. Дождь прекратился, и припекало солнце. Для Генриха, привыкшего к более мягкому климату, было жарковато, но он помогал Петеру тащить огромный ящик.

— Ты что туда камней насовал? — вытирая капельки пота со лба, проговорил он.

— Посуда! — усмехаясь, ответил Петер, — жена заказала. У нашей соседки через месяц будет большой праздник, так они решили приобрести вазы для цветов. Любят все красивое.

На пороге дома их встретила женщина лет двадцати пяти — тридцати. Русые волосы ее были аккуратно собраны в тугий пучок на затылке. Сиреневое платье из фланели мягко облегалo стройную, почти девичью фигурку. Ростом она была мала, лишь слегка доставала Петеру до плеча, а он был не слишком велик. Генрих на целую голову возвышался над ним. Сын Петера, как взрослый мужчина, здороваясь, протянул отцу руку. Из-за его спины несмело выглядывала маленькая головка. Петер подхватил визжащую от восторга дочь и, поцеловав, посадил к себе на шею. Девочка цепко ухватилась за его волосы, чтобы не упасть.

Генрих с интересом наблюдал за ними. Как жаль, что у него нет своих детей. Впервые ему захотелось прижать к себе маленькое тельце. У них с Кристи тоже могли быть очаровательные малыши. Ох, Кристи! Воспоминания о ней причиняли боль и заставляли сердце сжиматься от тоски. Но ради того, чтобы она была жива, он выдержит все, что бы ни уготовила ему судьба.

Петер показывал Генриху свои земли, рассказывал о том, что травы в этом году уродились на славу, значит, будет достаточно корма для скота. Петер собирался купить несколько молочных коров и заняться их разведением.

— Выбирай, Генрих: что тебе больше по душе, тем и займешься. Я на первых порах помогу тебе, а пока присмотришься, поработай у меня, заодно и денег накопишь.

— Знаешь, Петер, я могу многому научиться, но не жди, что буду доить коров.

— Это вовсе не обязательно, — рассмеялся Петер, — это занятие для женщин. Коровы почему-то предпочитают их общество.

— Тогда я остаюсь. Если ты не против, я бы занялся лошадьми. Это для меня более-менее привычное дело.

— Как скажешь, тебе видней. Может, все-таки выберешь что-нибудь полегче?

— Да забудь ты о том, что я граф! Это все в прошлом, а мне надо начинать жить заново. Считай меня своим наемным работником.

— Прежде всего, ты мой друг.

— Спасибо. А сейчас я займусь делом: пойду осмотрю лошадей.

— Не опаздывай к ужину! — помахав рукой на прощанье, Петер поспешил по своим делам.

Генрих сидел под деревом, прикрыв шляпой глаза от солнца.

— Вот вы какой, таинственный граф, — услышал он мягкий женский голос. Перед ним стояла высокая девушка, одетая по-мужски. Кожаные гетры обтягивали ее крепкие ноги, в руке она держала кнут и постукивала им по ладони.

— Значит, таинственный? Не думал, что произвожу такое впечатление.

— Вас нигде не видно, вы не появляетесь на праздниках, не заводите знакомств: не удивительно, что многим вы кажетесь таинственным. У нас мало развлечений, поэтому каждый новый человек всех интересуется. А про вас много говорят, но толком никто ничего не знает. Вас окружает тайна, а вы не хотите ее разрушить. Петер Свенсон хранит гробовое молчание. Утолите мое любопытство.

— Во-первых, меня зовут Генрих, во-вторых, мне двадцать девять лет и я холост. Вас

это интересует или что-то еще?

— Не густо. Вроде, все рассказали и ничего. Я соседка Свенсонов, меня зовут Хильда. Мне двадцать лет и я не замужем.

— Очень приятно, — Генрих поднялся с земли и поклонился девушке. Вот и познакомились. Я слышал о вас, Петер рассказывал, что вы практически одна управляетесь с хозяйством. Как вам это удается?

— Ничего сложного. Я привыкла полагаться на себя. С тех пор, как умер мой отец, мама переложила все обязанности на меня. Она у меня слишком хрупкая.

— А почему, если не секрет, вы не подыщете себе мужа, который будет вам опорой? — его поразило, что девушка может сама управлять хозяйством. В его стране женщины, если они не служанки от рождения, занимались собой, нарядами, посещали балы, и занимались домашним хозяйством только после замужества.

— А вы не хотите стать моим мужем? — в упор спросила она Генриха.

— Плохой выбор. Я не гожусь для этой роли. Из меня никогда не получится хорошего мужа, — усмехнулся он.

— Поживем, увидим, — свистнув своему коню, она с легкостью вскочила в мужское седло и с высоты взирала на Генриха, — вы проводите меня?

— Хорошо, если покажете дорогу.

— Через неделю мы устраиваем праздник в честь моего дня рождения. Вы придете?

— Если вы приглашаете, то приду обязательно. Так это для вашего праздника мне пришлось тащить тяжеленный ящик с вазами? Я не ошибся?

— О! Тогда я ваша должница. Обязуюсь представить вам всех дам, чтобы вы не скучали.

— Конкуренции не боитесь? А вдруг мне кто-то понравится?

— Но я собираюсь знакомить вас с женщинами, которым не меньше сорока лет, — и звонко рассмеялась, увидев удивленное лицо Генриха.

— Так вы собираетесь отдать меня на растерзание милым старушкам? Не уверен, что после такого знакомства останусь в живых. Я умру от скуки, это точно. Вы жестоки, леди, вам не жаль меня?

— Успокойтесь, я просто пошутила.

Так, переговариваясь, они добрались до дома Хильды. Кругом царили чистота и порядок, во всем чувствовалась уверенная рука.

— Вы зайдете на чашку чая?

— Благодарю вас, леди, — Генрих вежливо поклонился, — мне пора вернуться: лошади остались без присмотра, — и, распрощавшись, он поспешил уйти.

Хильда наблюдала за прибывающими гостями. Генрих будет самым красивым мужчиной из всех присутствующих на празднике. Ее сердечко забилось, словно птичка, попавшая в силки, когда он и Петер приближались к дому. Генрих галантно знакомился со всеми женщинами, одаривая улыбкой молодых и старых. Матери, у которых дочери были на выданье, старались познакомиться с ним поближе, наперебой приглашая в гости. Хильда видела, как радовался Петер, мечтавший женить друга. Ей было известно, что в Англии у него осталась невеста, но по каким-то причинам им не удастся пожениться. Возможно, со временем он забудет ее... Тогда уж Хильда постарается не упустить своего шанса.

— О чем вы думаете? — услышала она голос Генриха и вздрогнула.

— О вас. Вижу, что вы не умерли от общества пожилых дам. Выглядите вполне довольным собой.

— Еще бы! Мне пришлось отклонить с десяток предложений посетить ту или иную женщину, ускользнуть от двух весьма назойливых девиц, избежать дуэли с одним разгневанным молодым человеком, страдающим от ревности. Почему бы после всех этих подвигов мне не быть довольным собой? Ведь я остался живым, и меня не разобрали на части, словно какую-нибудь редкостную вещицу.

— Тогда, может, пойдём, прогуляемся? Вы отдохнете от всего пережитого.

— С удовольствием!

Хильда взяла его за руку и потянула за собой в лес. Остановившись на поляне, она прилегла на траву и закрыла глаза. Генрих сел рядом. Мысли его были далеко, в Англии, где осталась его Кристи.

— Поцелуй меня, пожалуйста, — Хильда умоляюще смотрела на него.

Он наклонился над девушкой, и губы их встретились.

— Довольна? — Генрих мягко отпустил ее, и она почувствовала пустоту без его объятий.

— Возьми меня, Генрих! Я хочу любить тебя! — голос ее дрожал, выдавая жгучее желание.

— Я не могу, Хильда, прости! Может быть, когда-то у нас что-нибудь и получится, но не сейчас.

— Что же это за женщина, которую ты не в состоянии забыть? — с болью в голосе произнесла она, — неужели я не могу заменить ее хотя бы на время?

— Я люблю ее, Хильда, и не существует другой такой, как она. Дай мне время, возможно, ее образ перестанет преследовать меня, — поднявшись, он помог встать девушке. Сердце его было целиком занято. Кристи ни для кого не оставила в нем места.

— Я подожду, — прошептала очень несчастная в этот момент Хильда, — двери моего дома всегда будут открыты для тебя. ее

— Гости заждались, пора возвращаться!

Петер и Генрих вернулись поздно. Розалин, жена Петера, терпеливо дожидалась мужа, сидя на веранде с кружкой молока в руках.

— Ты еще не спишь, дорогая? Прости, что задержались, — целуя ее и присаживаясь рядом, проговорил Петер.

— Добрый вечер, Генрих! Как тебе Хильда? Правда, неплохая девушка? — пытливо выпрашивала его Розалин.

— Очаровательная. Повезет тому мужчине, который женится на ней.

— А ты как к этому относишься?

— Розалин, оставь его в покое. Он сам знает, что надо делать, — шутливо погрозил пальцем муж.

— Конечно, конечно, — торопливо промолвила она, — да, когда вы уехали на праздник, какой-то человек, по виду моряк, передал письмо для Генриха. Я сейчас его принесу.

— Ах, Розалин, болтаешь о мелочах, не сказав о главном...

— Уже несусь, Петер, не волнуйся так.

Генрих молча взял из ее рук запечатанный свиток, развернул и стал читать.

"Генрих! Хочу уведомить тебя, что по велению Его Величества мне пришлось против моей воли жениться на известной тебе особе. Две недели тому назад я вступил в права наследства, так как остался единственным Блэквудом. Невеста на венчании была великолепна. Король не сводил с нее глаз, а потом отвез в шервудский охотничий домик,

чтобы утешить ее разбитое сердце. Я же провел свою брачную ночь в компании очаровательного безусого придворного.

Я получил то, чего желал и чего всегда был достоин больше чем ты.

Леди Амелия недолго горевала о тебе. Через месяц она станет баронессой. Ее будущий муж — богатый вдовец, к тому же, бездетный. Правда, он годится ей в отцы.

P.S. Не рассчитывай, что ты можешь вернуться в Англию, мои люди всегда на страже. граф Д. Блэквуд".

Петер внимательно наблюдал за Генрихом, который бледнел все больше и больше. — Что случилось, Генрих? Ты выглядишь, как покойник, — озабоченная Розалин подошла к нему и усадила на скамью.

— Все кончено, Петер! Мой кузен женился на Кристи и отдал ее королю. Ты права, Розалин, я покойник.

— Так...

— Что это значит, Генрих? — вскричала Розалин, — ты что, собираешься покончить с собой?

— Мне не нужно этого делать, мой кузен сделал это за меня. Он прекрасно знал, что его известие убьет меня.

— Генрих! Клин клином вышибают. Тебе непременно надо жениться на Хильде. Со временем ты забудешь свою невесту. Поверь, только так ты сможешь выжить! — Розалин решительно настаивала на своем.

— Она права, — поддержал жену Петер, — Ты ничего не можешь сделать, а жить с такой ношей очень трудно. Подумай. Хильда хорошая девушка и любит тебя, вы будете счастливы.

— Хорошо, друзья, я подумаю. А сейчас я пойду спать, — и тяжелыми шагами удалился. Он не ложился всю ночь, а наутро ушел из дома.

— Хильда!

— Генрих?

— Если ты не раздумала, выходи за меня замуж.

— Ты не шутишь? У тебя такой вид, что...

— Возможно, я похож на сумасшедшего, но это не так.

— Я согласна, Генрих! Согласна!

— Вот и хорошо! Розалин поможет тебе со свадебным платьем.

— Ты уходишь? — Хильда удивленно посмотрела на него.

— Пойду, сообщу Свенсонам, они будут рады, — чуть повернувшись в ее сторону, проговорил на ходу Генрих.

Народу в церкви было немного. Жених настоял на том, чтобы свадьба прошла в тесном кругу друзей, Хильда не возражала. В белом подвенечном платье она выглядела робкой и застенчивой девочкой. Розалин подбадривала ее, так как Генрих был чернее тучи.

— Улыбнись, Генрих! — шептал ему Петер, ты же не на казнь идешь.

— Постараюсь, хотя очень трудно. Не думал, что это станет такой пыткой, — и невесело улыбнулся, поддерживая невесту, запутавшуюся в складках платья.

Кристи нетерпеливо расхаживала по пристани, пока Рауль и Гейвин разговаривали с лодочником.

— Договорились, господа, только придется захватить с собой еще одного пассажира. Попугчик улыбнулся и шагнул навстречу друзьям. Он был невысокого роста с подвижным лицом и серыми глазами.

— Извините, но мне необходимо сегодня попасть к Петеру Свенсону. А вы тоже едете на свадьбу?

— На свадьбу? Нет. А что, Петер Свенсон женится? — спросил Рауль.

— Нет-нет! У Петера прекрасная жена и двое детей. Это его друг Генрих Блэквуд обвенчался с моей кузиной Хильдой. Они такая красивая пара! Просто созданы друг для друга! Я вчера не смог присутствовать на венчании, но сегодня уж ничто не помешает мне выпить за молодых!

Кристи растерянно слушала незнакомого мужчину, вдруг так перевернувшего ее жизнь. Она-то думала, что через несколько часов прижмется к любимому человеку, расскажет ему о большой радости... Нет, теперь это только ее радость: несколько недель назад она поняла, что ждет ребенка. Ей не хотелось говорить об этом ни Раулю, ни Гейвину. Только Генрих должен был узнать это первым.

— Рауль! — вскрикнула она, привлекая к себе внимание. Оба мужчины бросились, чтобы подхватить упавшую в обморок Кристи. Недомогание прошло быстро, и девушка открыла глаза.

— Это судьба, Рауль! Мы не едем.

— Ты слышал, Гейвин? Отпусти лодку, — и, прижав к себе поникшее тело Кристи, поспешил укрыться в тени. Рауль прислонился к камню и усадил Кристи к себе на колени.

— Теперь объясни мне, девочка, почему ты не хочешь с ним встретиться. Понимаю, тебе больно, но поговорить все-таки не мешало бы. Ты так не думаешь?

— Нет, Рауль. Все решено. Мы возвращаемся на корабль, там поговорим, — и, повернувшись к подошедшему Гейвину, спросила, — ты возвращаешься с нами или поедешь к нему?

— Гейвин, что бы ты ни решил сейчас, мы пойдем.

— Рауль, я остаюсь с вами. Другого решения у меня не было.

— Тогда на корабль. Ты сможешь идти сама, Кристи, или мне тебя понести?

— Я чувствую себя лучше.

Друзья в молчании отчалили от берега. Рауль в гневе вышагивал по каюте и в сотый раз задавал один и тот же вопрос:

— Почему, Кристи? Ты так хотела найти его, и в последнюю минуту изменила решение?

— Пойми, Рауль, он несвободен. У него жена, которую он любит.

— Откуда ты знаешь? У тебя был шанс вернуть его, а ты не воспользовалась им!

— Какой шанс? О чем ты? Я ему не нужна, он предпочел другую! В Британии он для всех погиб, а здесь устроил свою судьбу. Я даже понимаю, почему Генрих сделал мне предложение.

— Почему, черт возьми, если не любил тебя?!

— Он переспал со служанкой, которая оказалась сестрой его друга. Только женившись на мне, он оправдался бы в твоих глазах. Теперь понятно? Он никогда не любил меня, он хотел только моего тела.

— Что же теперь будет, Кристи?

— Ничего. Да, Рауль, я должна сказать тебе, что вскоре ты станешь дядей.

— Что?!!

— Все прекрасно, Рауль, ведь я жива! Даже после всего, что пришлось перенести...

В молчании промерив шагами каюту еще какое-то время, Рауль произнес:

— Мы идем на Сицилию, к моему другу Саре. Пока ты не родишь, мы в Англию не вернемся!

— Я не брошу ребенка, Рауль! Ты не заставишь меня это сделать!

— Этого делать не придется. Но никто, слышишь, ни одна живая душа не узнает, что он твой! Можешь взять служанку, которая воспитает его как своего. Больше ты не наделаешь глупостей, хватит! Слишком часто я шел у тебя на поводу, сейчас будет по-моему. Когда вернемся, мы с отцом подыщем тебе мужа, который сохранит в тайне твой грех.

По грозному виду брата Кристи поняла, что на сей раз ей не одержать победу. Брата уговорить не удастся, а что ей делать, она пока не знала.

— Не понимаю, Рауль, почему ты решил плыть на Сицилию? — подал голос Гейвин.

— Есть причина. Ты еще не забыл, что я обещал Саре вернуться? Стараюсь держать слово, да и Кристи необходимо развеяться. Не смотри так на меня, — Рауль отвернулся, чтобы друг не заметил блестящих слез.

Не уверен, что присутствие Сары возле тебя пойдет на пользу Кристи. Вы будете напоминать ей о другой счастливой паре. И сейчас ты напоминаешь любовника, спешащего на свидание.

— Хорошо, Гейвин, я расскажу тебе, все и так скоро будет известно. Кристи ждет ребенка. Я не могу привезти ее домой в таком состоянии, поэтому, пока она не родит, мы останемся у Сары. Дома не должны знать об этом, иначе ей никогда не выйти замуж. Отец не переживет такого позора.

— А что будет с ребенком? Кристи не отдаст его, да и как можно отнять ребенка у матери?

— Не терзай душу, Гейвин, мне и так плохо. Сейчас нужно думать о ее чести. Знать не примет незаконнорожденного.

— Знаю. Давай подумаем, как поступить с ребенком. Ведь он не виноват, что его родители не смогли быть вместе. Дьявол! Надо сообщить Генриху.

— Ни за что! Он никогда не узнает об этом! — Кристи решительно смотрела на них. За разговором они и не заметили, как она подошла.

— Он имеет на это право, Кристи. Генрих усыновит ребенка, уверен, что жена поймет его. Нельзя лишить малютку и отца, и матери, — настаивал на своем Гейвин.

— Перестаньте решать за меня, что делать, а что нет. Я сама решу, что лучше. Это мой крест, мне его и нести.

— Рауль прав, Кристи, надо позаботиться о твоём будущем. Ты не сможешь признать ребенка своим.

— Тогда и Генрих не признает его. Неужели вы не можете понять? Я не вынесу, если его будет растить та, которая отняла мою любовь! Вы предлагаете отдать ей еще и мое

дителя?! — и, закрыв лицо руками, разрыдалась.

Сара встретила их, не скрывая радости. Весь вечер она не отходила от Рауля, не замечая печального взгляда его сестры. Вечером в спальне, положив голову ему на плечо, она задумчиво спросила:

— Тебя что-то сильно беспокоит?

— Это заметно?

— Поведай мне о своих печалях, а я подумаю, как помочь.

Рауль закончил свой рассказ и надолго замолчал. Сара не посмела тревожить его.

— Теперь ты все знаешь, дорогая.

— Печальная история. Когда ты уехал, я тоже очень страдала, но несчастье, постигшее твою сестру, просто потрясло меня. Бедная девочка! Ей гораздо хуже, чем ты себе представляешь. Ты беспокоишься о ее чести и не хочешь понять ее душу.

— Сара! Хотя ты не упрекай меня в бессердечии! Я очень люблю сестру, но я смогу помочь ей, только причинив боль. Не осуждай меня, прошу тебя. Лучше посоветуй, что делать.

— Обещаю подумать, мой господин, — промурлыкала она, лаская Рауля и позволяя своим нежным пальчикам прикасаться к его возбужденной плоти, что заставило мужчину стонать от желания.

— Проказница! Ты сведешь меня с ума!

Полной грудью Генрих вдыхал свежий воздух зимней Британии. Теплая накидка защищала от ветра. Он не знал, что ждет его впереди: возможно, тюрьма или даже казнь, если король не простит ему того, что он собирается сделать.

— Граф Блэквуд? Значит, наконец, решился пожаловать. Что ж, пусть войдет, — король был взбешен, хотя на лице присутствовала улыбка. Он решал, как поступить с обманувшим его подданным. Мнимая болезнь не ввела его в заблуждение, Ричард догадался, что Джеймс изворачивается, опасаясь за свою жизнь. — Он, похоже, забыл, что я король, а короли не прощают предательства. Тебя ждет сюрприз, граф.

Генрих вошел в кабинет и склонился перед Ричардом.

— Генрих?! Не верю своим глазам! Ты? Но мне сообщили, что... — король был настолько поражен, что, отбросив величие, поднялся навстречу удивленному таким вниманием Генриху. — Где ты был?! Все рассказывай, я слушаю.

— Прошу прощения, Ваше Величество, но прочтите вначале вот это и ответьте на один мой вопрос, — он протянул королю письмо Джеймса.

— Ничего не понимаю! — Ричард думал, как выйти из нелепой ситуации: он забыл и думать о Кристи, прекрасная Изабелла теперь владела его сердцем.

— Простите мою дерзость, но эта женщина мне не безразлична!

— Генрих! Я не имею представления о том, что здесь написано. Мне доложили, что девушка тяжело больна, и с тех пор я о ней ничего не слышал.

— Еще раз простите меня, Ваше Величество! — он преклонил колена, опустив голову.

— Встань, мой друг. Теперь я хочу услышать, что случилось с тобой.

Генрих не считал нужным ничего скрывать, рассказывая о своих приключениях. Умолчал он лишь о том, как Кристи была его служанкой, и что из этого получилось. Честь Кристи не должна быть задета.

Ричарду представилась прекрасная возможность расправиться с Джеймсом, не привлекая внимания знати.

— В этом письме все ложь, Генрих. Джеймс никогда не был женат на Кристи. Правда лишь в том, что леди Амелия теперь баронесса.

— Слава Богу! Наконец-то я избавлен от нее!

Ричард позвонил в колокольчик, и в дверях появился придворный распорядитель.

— Немедленно доставить Джеймса Блэквуда и заключить в тюрьму! — и, повернувшись к Генриху, добавил, — там ему самое место. Мне надоели его козни. А ты возвращайся в поместье Блэквуд и решай свои проблемы.

— Благодарю вас, Ваше Величество!

Слуги с радостными возгласами сновали по замку: приезд Генриха вернул их к жизни. После всего, что пришлось вытерпеть от Джеймса, они, наконец, вздохнули свободно.

— Рад вашему возвращению, господин! — старый управляющий не мог сдержать слез, которые катились по сморщенным щекам.

— Я тоже рад возвращению, Томас. Вижу, тебя понизили. Кем же ты служил при моем кузене?

— Вы не поверите, господин, я помогал Марии на кухне. Вы улыбаетесь, а мне было не до смеха: все слуги потешались надо мной.

— Все позади, мой добрый старый Томас. С сегодняшнего дня ты будешь выполнять прежние обязанности, — не в силах сдержать улыбку, произнес Генрих, — начинай исправлять ошибки, допущенные при прежнем хозяине.

После осмотра замка Генрих посетил конюшню.

— О, господин Генрих! — конюх с почтением клонился перед ним, — я был уверен, что вы вернетесь. Ваш конь в полном порядке. Правда, мне пришлось лгать вашему кузену, что он занемог. Небольшая хитрость помогла держать Габо подальше от господина Джеймса.

— Спасибо, дружище. Мне хочется проехаться верхом. Посмотри, как конь волнуется, узнал, умное животное. Иди ко мне, — он ласково погладил жеребца по вытянутой морде, — погоди-погоди, сейчас поскачем, — и легко поднялся в седло. — Передай Томасу, что я уехал в замок Мак-Ковенов, к ужину не буду.

Всю дорогу Генрих мечтал, как увидит Кристи, что скажет ей. Бедняжка, как долго пришлось ей ждать, как сильно он соскучился по ней!

— Генрих?! Ты?! Кристи всегда была уверена, что ты жив! Но где ты был так долго, сынок, ты разрешишь мне так тебя называть? — граф Мак-Ковен в радостном возбуждении обнимал его.

— Долгая история. А где же, Кристи, Рауль, Гейвин? Его мать сказала мне, что он теперь живет у вас. Где они все? — Генрих в нетерпении оглядывался по сторонам.

— Ох! Ты же ничего не знаешь! Они уплыли к южным островам за товаром шесть месяцев тому назад и до сих пор не вернулись.

— Они? Вы сказали "они"? Кристи что, тоже отправилась с ними? Но это же безумие граф, как вы могли на такое решиться?

— Интересно, найдется ли такой мужчина, который сможет заставить мою дочь не делать глупостей? Нам с Раулем это не под силу.

— Значит ли это, что она сама настояла на путешествии?

— Естественно! Ведь Кристи отправилась искать тебя! Кто сможет помешать любящей женщине?

— А с чего она решила, что я могу быть на южных островах? — удивился Генрих, ведь все считали меня мертвым.

— Все, кроме моей дочери. Когда вернется, сам у нее и спросишь, а пока пойдем, отпразднуем твое возвращение. Ты проголодался с дороги, за ужином расскажешь, что с тобой приключилось.

Кристи лежала вся в поту, и ей хотелось только умереть: адские боли мучили ее вторые сутки. Сара смачивала ее губы мокрой губкой, а повитуха, охая, читала молитву.

— Сделай что-нибудь, Глория, она так страдает!

— Ребенок скоро появится, госпожа, немного терпения, — она ловкими руками подхватила окровавленное тельце. Ребенок молчал. Повитуха, быстро перерезав пуповину, перевернула дитя вниз головой и ритмично шлепала его по ягодицам, пока он не заплакал.

— Все хорошо, Кристи, твой сын жив! Слышишь, какой горластый? Крупный малыш, не удивительно, что он так помучил тебя, — Сара с облегчением вздохнула.

— Рауль, Гейвин! Мальчик! — она спешила по дорожке сада навстречу взволнованным мужчинам, — все в порядке!

— Слава Богу! — Рауль впервые за последние дни улыбнулся: он проклинал Генриха за то, что он сделал с его маленькой, дорогой сердцу сестрой, — я могу на него посмотреть?

— Ты просто эгоист, Рауль. Я не меньше твоего переживал и заслуживаю того, чтобы быть крестным отцом этого малыша! А значит, тоже имею право на него посмотреть, — подал голос Гейвин.

— Разумеется! Пойдемте оба, его вам покажут, а Кристи спит, ее беспокоить я вам не позволю, — Сара строго посмотрела на них.

— Договорились!

Рауль держал на руках крошечный белый сверток и нежно прижимал к груди.

— Что делать, Сара? Если я не могу расстаться с ним, то каково Кристи? Она не сможет жить без этого ангелочка, — он с любовью посмотрел на племянника, который был миниатюрной копией Генриха.

— Посмотри в сад, Рауль. Вот выход из положения.

— Но я ничего не вижу, кроме Гейвина и твоей сестры.

— Плохо смотришь, — шутливо произнесла она.

— Объясни. Я в последнее время не в состоянии нормально мыслить.

— Гейвин не сводит глаз с Джулии! Теперь понятно?

— Не совсем...

— Они любят друг друга, Рауль. А когда поженятся и уедут в Англию, то никто и не догадается, что это не их ребенок.

— Но...

— Никаких "но", Рауль! Все получается прекрасно: Гейвин раньше был на Сицилии и оставил девушку в положении, а когда вернулся, признал своего сына и женился на ней. Гейвин будет прекрасным отцом Айронсу!

— Ты умница, Сара! Гейвин и Джулия всегда смогут жить с Кристи, никто ничего и не заподозрит. Лишь бы она согласилась на это.

— У нее нет выбора. Кристи поймет, что только таким образом сможет всегда находиться рядом с сыном.

— А ты, Сара? Ты будешь всегда находиться рядом со мной?

— Что я слышу? В каком же качестве?

— Как жена, дорогая. Я давно люблю тебя.

Кристи искренне радовалась за брата и Гейвина: они нашли то, что искали. Стоя на

палубе корабля, она прижимала к себе спящего сына. Не сразу она согласилась на сделанное предложение. Утешало лишь то, что Айронс будет всегда рядом, что для всех она станет его крестной матерью и сможет заботиться о нем. Она отдаст ему всю свою нерастрченную любовь!

— Ты не устала, Кристи? — Рауль заботливо накинул ей на плечи шаль и обнял.

— Рауль, ты счастлив?

— Да, дорогая.

— Смогу ли я когда-нибудь полюбить снова?.. Постоянно задаю себе этот вопрос, но не нахожу ответа.

— Ты будешь счастлива, девочка! Ты обязательно встретишь мужчину, который покорит тебя.

— Покорит? Не уверена, Рауль. Только один человек на свете был способен на это, другому не дано...

— Думаешь о нем?

— Постоянно. Ничего не могу с собой поделаться. Глаза закрою — вижу его, открою — вижу его сына. Этот малыш с голубыми глазами не позволит забыть своего отца, — она с любовью посмотрела на ребенка.

В замке Мак-Ковенов был праздник. Вся семья собралась за большим столом Кристи расслабилась, отец держал ее за руку и не отводил от нее нежного взгляда. Из рыжего бесенка его дочь превратилась в спокойную таинственную женщину. Рауль привез молодую красавицу-жену. А Гейвин удивил графа своим сыном. При взгляде на Айронса у Каспера сжималось сердце: он никак не мог понять, на кого похож ребенок. Не на родителей, это точно... И почему Кристи так пристально смотрит на него и всякий раз вскакивает с места, если он заплачет? А какой любовью загораются ее глаза, когда она держит его на руках.

О, великий Боже! Этого не может быть! Это же сын Генриха! Старый недотепа, надс было догадаться, что они не были на южных островах. Почему так долго не возвращались? Ждали, когда Кристи родит. Так. Все встало на свои места.

— Что с тобой, папа? — Кристи с испугом смотрела на отца.

— Что со мной? Со мной все в порядке, дорогая. Прихожу в себя от счастья. У Гейвина и Джулии прекрасный малыш, не правда ли, милая? — переменял он тему разговора.

— О, да, отец! Он самый лучший на свете! Я очень люблю своего крестника.

— Я заметил это. Знаешь, Кристи, я совсем забыл тебе сказать, что ты оказалась права: Генрих, действительно, жив. Только он был не на южных островах, а на севере, в Швеции.

— Откуда ты это знаешь, папа?!

— Он приходил ко мне несколько месяцев назад, а на той неделе прислал посыльного справиться о вас. Я обещал ему, что, как только вы приедете, дам ему знать.

— Ты хочешь сказать, что сообщил ему о нашем возвращении?

— Конечно! Ведь я дал слово.

За столом все смолкли. Последние слова Кристи привлекли всеобщее внимание.

— О чем вы спорите? — брат обратился к ней с вопросом

— Представляешь, Рауль, Генрих объявился и жаждет нас увидеть.

— Про Рауля не могу ничего сказать, а вот тебя увидеть он, действительно, жаждет, — улыбнулся Каспер.

— Это правда, отец? Как посмеет он прийти сюда после всего, что он сделал?

— Не кипятись, сынок, пусть встретятся и поговорят.

— Никогда! Никогда я не позволю ему приблизиться к моей сестре!

— Это почему же?

Все повернули головы на рокочущий гневом голос Генриха.

— Ты еще спрашиваешь?! — Рауль схватил меч и кинулся к вошедшему.

— Нет, Рауль! Вы друзья и не можете драться! — Кристи повисла на руке брата, — Сара, помоги мне! — умоляюще прокричала она.

— Сядь, Рауль! — раздался властный голос Каспера Мак-Ковена.

Кипя от гнева, Рауль опустил меч и отошел к столу.

— В чем я виноват? В том, что остался жив? Кристи, мы должны поговорить! Или ты идешь в сад добровольно, или я отнесу тебя сам, и пусть только кто-нибудь посмеет мне помешать.

Кристи, повинувшись, двинулась следом. Когда они достигли беседки, Генрих резко повернулся и заключил ее в объятия.

— Пусти, дьявол! Убери свои руки и не смей ко мне прикасаться! — негодуя вырывалась Кристи.

— Это почему же, позволь узнать? Я хочу тебя поцеловать и сделаю это немедленно.

Кристи ненавидела свое тело, которое каждой клеточкой отзывалось на его прикосновения. Язык Генриха приоткрыл ее губы и завладел ртом. Она задыхалась от нахлынувшего возбуждения, и, когда он ослабил объятия, ноги еле держали ее. Чтобы не упасть, ей пришлось ухватиться за него.

— Я слушаю тебя, Кристи, — вернул ее с небес на землю голос Генриха.

— А что я должна тебе сказать? Ах, да, не смей приходить сюда! Ты мне противен, понятно?!

— Неужели? Ты только что доказала обратное. Ты хочешь меня, Кристи?

— Генрих, зачем ты мучаешь меня? У тебя есть жена, так почему бы не задать этот вопрос ей?

— Жена? Ты ошибаешься. Для меня существует только одна женщина — ты.

— Обманщик! Я не верю тебе! В Швеции нам сказали, что ты женился. Ведь ты не станешь это отрицать? Вот и иди к своей Хильде, вы же так подходите друг другу, — глаза Кристи полыхали гневным огнем.

— Хильда хорошая девушка. Только тот, кто сказал вам это, не присутствовал на венчании, поэтому не мог знать, что я сбежал прямо от алтаря.

— Ты?! Что ты сделал? Как это сбежал?

— Я люблю тебя, Кристи! Поверь, ты единственная нужна мне. Когда Джеймс прислал письмо, в котором сообщил, что ты стала его женой, я обезумел и совершил глупость: предложил Хильде выйти за меня замуж. А когда шел к алтарю, осознал, что не смогу жить без тебя. Зачем мне другая женщина, когда я бредил только тобой, моя огненно-рыжая страсть? Как я мог убедить себя не думать, что ты в объятиях другого? Я сходил с ума, опасаясь за твою жизнь, но только это и удерживало меня от возвращения сюда.

— погоди, Генрих, почему ты боялся за мою жизнь? Ведь именно ты мог вернуть ее мне, когда я умирала от мысли, что тебя нет в живых.

— Когда меня, раненного, погрузили на корабль, то ясно дали понять, что убьют тебя, если я вернусь. Я предпочел разлуку твоей смерти. Потом я решил, что вернусь тайно, пойду к королю и потребую, чтобы тебя вернули мне, и будь что будет. Если меня убьют, я хоть в последний раз увижу тебя.

— Ты был у короля?

— Все позади, родная, мы получили благословение. Его величество лично будет присутствовать на нашей свадьбе.

— Но твой кузен, Генрих! Он снова попытается убить тебя. Я не переживу этого во второй раз.

— Джеймс в тюрьме, и, насколько я знаю Ричарда, ему не выйти оттуда.

Губы Генриха ласкали ее ухо, потом перебрались на шею и опустились к ямке между грудей, — я так соскучился, дорогая...

— Я люблю тебя, Генрих! Но ты должен узнать еще кое-что, пойдем в дом, я покажу тебе одного человека.

— Это так срочно, любимая? Ведь мы так давно не виделись!

— Вот именно, пойдем, — настойчиво тянула его Кристи.

— Уговорила, — глубоко вздохнув, Генрих отправился за ней.

Рауль, улыбаясь, протянул ему руку.

— Прости, друг. Отец нам все рассказал, — и, посмотрев на Кристи, произнес, — он знает?

— Пока нет, ты же мне слова не даешь сказать. Гейвин!

Тот появился в дверях с ребенком на руках.

— Гейвин, объясни, что все это значит. Мне не понять ваших головоломок.

— А ты подумай, Генрих, посмотри внимательно, — молочный брат протянул ему малыша.

— Кристи? Я правильно понимаю? Это что, мой ребенок?!

— Да, Генрих, да, любимый! — Кристи плакала от счастья.

Растерянный Генрих держал сына и блаженно улыбался.

Больше книг на сайте - Knigolub.net